

В.Г. ЯЩЕНКО

**ПИБЕРТАРНЫЙ БУНТ
В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА**

Волгоград 2002

ББК 83.3(0)6
Я97

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. Института повышения квалификации
работников телевидения и радиовещания РФ

Б.М. Сапунов (Москва);

д-р филос. наук, проф. Института повышения квалификации
работников телевидения и радиовещания РФ

Ю.В. Соколов (Москва)

Ященко В.Г.

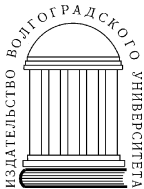
Я97 Либертарный бунт в эпоху постмодерна. — Волгоград:
Издательство Волгоградского государственного универси-
тета, 2002. — 74 с.

ISBN 5-85534-596-3

Бунт — неотъемлемая часть культуры. Его природа сложна, а последствия непредсказуемы. Спonti, сквотеры, автономисты, альтернативисты, экологисты и панки-анархисты — вот далеко не полный список современных бунтарей. Действия антиглобалистов — лишь верхушка айсберга бунта «новой волны», бунта, который долго пытались не замечать. Что собой представляет современный бунт? Чем он отличается от мятежей времен «классовых войн»? Чем он опасен и какой несет в себе положительный заряд? На эти вопросы пытается ответить автор данной работы.

Книга представляет интерес как для специалистов, анализирующих состояние современной западной культуры, так и для преподавателей, студентов, всех тех, кто пытается разобраться в мировых процессах.

ISBN 5-85534-596-3

© В.Г. Ященко, 2002

ВВЕДЕНИЕ

Четыре столетия западная цивилизация развивалась в направлении отчуждения человека от природы. Существовавшая тысячелетняя гармония между ними была разрушена. Появилась новая культура, новый миф, новый мир.

Эпоха Возрождения, помимо гуманизации культуры, имела и свою оборотную сторону: перед человечеством была поставлена задача покорить природу, задача по сути своей суицидальная и парадоксальная. Диалектика о человеке, — как заметил Н. Бердяев, — заключается в том, что «самоутверждение человека ведет к самоистреблению человека»¹.

Культурные ценности эпохи Возрождения были дополнены новыми, доселе неизвестными, ценностями экономического материализма и утилитаризма, которые возникли в недрах промышленной революции. Интересом эпохи нового времени стало становление «общества потребления», которое «обязательно противопоставляет себя природному миру и оставляет за собой экологическую пустыню»².

К началу 70-х годов XX века материальные и духовные антропогенные факторы экологической катастрофы стали совершенно очевидны. Стало ясно, что преобразующая природу деятельность человека приводит к фатальному и неизбежному разрушению биосферы, включая, конечно, и самого агента этого разрушения, человека³.

В 1972 году на первой конференции ООН по окружающей среде в Стокгольме на международном уровне был поставлен диагноз о глобальном экологическом кризисе всей биосферы Земли. Военная опасность ядерной катастрофы была дополне-

¹ Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990. С. 110.

² Букчин М. Реконструкция общества. На пути к зеленому будущему. Н. Новгород, 1996. С. 17. Здесь Букчин, возможно, перефразирует К. Маркса, утверждавшего, что стихийно развивающаяся цивилизация «оставляет после себя пустыню» (Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 45.)

³ См.: Курашов В.И. Экология и эсхатология. Вопросы философии. 1995. № 3. С. 31.

на менее быстрой, но все же неизбежной и неотвратимой возможностью возникновения катастрофы экологической.

Таким образом, история гуманистической культуры эпохи Ренессанса и Нового времени достигла своего логического конца.

Во второй половине XX века «новая» (modern) «индустриальная» эра сменилась постиндустриальной эпохой, эпохой постмодерна. Экспансия цивилизации достигла своего апогея. Энергия цивилизованного человека, направленная во вне, заменила энергию человека культурного, устремленную во внутрь. Расширение — это все! Вот девиз империализма, «чистой» цивилизации⁴. Именно в этом кроется причина той драмы, которую переживает современное человечество. Другими словами, она заключена «в экспансии искусственного, в вытеснении ... естественной реальности, в том числе человека как телесного существа». Возникает «мегамашина», в которой человек из «субъекта активности превращается в ее элемент». Духовность редуцируется к разуму, ценности заменяются информацией. Происходит вытеснение духовно-ценностного фактора⁵. Все свойства человеческого тела передаются (мега)машине. Человек утрачивает свое тело. «Это катастрофа телесности, де корпорация. Тело разорвано и дезинтегрировано». Формой этой катастрофы является создание виртуального образа, виртуального мира⁶. Супериндустриальная фаза «прометеевской» цивилизации трансформирует культуру: из «человеческой» она постепенно превращается в «постчеловеческую», «машинную». Технологизация превращает культуру в текстуру — культуру искусственного мира, культуру технологического человека, «потерявшего связь с природой, вне и изнутри окруженного искусственной реальностью»⁷. Вырванная из контекста «человеческой» культуры, тема одухотворенной телеснос-

⁴ См.: Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н/Д., 1998. С. 82. Эту же мысль высказывал Н. Бердяев: «Вся энергия направилась во вне. Это и есть переход культуры в цивилизацию». Бердяев Н. Новое Средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., 1991. С. 18—19.

⁵ См.: Кутырев В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 25, 26.

⁶ Интервью с Полем Вирильо. Кибервойна, Бог и телевидение // Цифровой Жук. 1998. Май. С. 115, 118.

⁷ См.: Кутырев В.А. Указ. соч. С. 26—29.

ти непосредственно связанной с логоцентризмом, перерабатывается текстурой в упрощенный телоцентризм. Происходит своеобразный «переход от Слова к Телу, от интеллектуальности и духовности к телесности, от вербальности к зрительному образу, от рациональности к «новой архаике», когда в центре ментальности и дискурса оказывается тело, плоть». Цивилизация эпохи постмодерна приобретает общую телесно-визуалистскую ориентацию, «выражающуюся в потребительстве, ... культе здоровья, сексуальной акцептуации, формировании и продвижении привлекательных имиджей в рекламе, политике, искусстве, роли новой образности в виртуальной реальности информационных технологий». Культура и цивилизация эпохи модерна обвиняются в «фаллологотризме», то есть, «слово и логос рассматриваются как источник зла современной культуры: насилия, маскулинности, линейности, активизма»⁸.

Цивилизация «взбунтовалась» против человека, против культуры⁹. Государство и высокие технологии превратили человека в объект, в автомат. Произошло «овещнение» человека¹⁰. Мегамашина, с одной стороны, дарует человечеству невиданное доселе благоденствие массового производства, с другой — безжалостно уничтожает его в мировых войнах, экологических катастрофах, в спровоцированных одиночеством и бездуховностью суицидальных актах¹¹. Безличные силы довлеют над человеком, культурой и природой. Человечество потеряло смысл своего существования. Бытие стало для него абсурдным и непонятным¹².

⁸ См.: Тульчинский Г.Л. Слово и тело постмодернизма. От феноменологии невменяемости к метафизике свободы // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 37—40.

⁹ См.: Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4.

¹⁰ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 9.

¹¹ Л. Мэмфорд писал: «...все благоденствия массового производства с самого начала подрывались массовым уничтожением, которое стало возможным благодаря мегамашине». (Мэмфорд Л. Миф машины / Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. М., 1991. С. 85.)

¹² См.: Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1. С. 485. Э. Му-

Катастрофическое телоцентрическое сознание постмодерна порождает своеобразную философию (или анти-философию) — постмодернизм. Это эклектическая философская мысль абсурда и нонсенса, спонтанности и анормативности. Это «истерическая реакция бессильного понимания и интеллектуальная невменяемость»¹³. Невменяемость и ограниченность постмодернизма связаны со свойственным этой философской мысли деконструктивизмом. Здесь деконструкция является не средством осмысления, а целью творчества. Деконструкция, разборка, демонтаж познаваемого мира, игра с остранными смыслами и значениями — вот предел постмодернизма. Он не ставит перед собой цель по-новому конструктивно осмыслить действительность. Он останавливается на этапе анализа. Постмодернисты, демонтируя, отказываются от занятия конструктивной позиции. Этот отказ «предстает таким человекобожием, самозванной претензией на безблагодатную святость». Главной заслугой постмодернистского телоцентризма является то, что «он зафиксировал важнейший момент — момент ухода конуса свободы и ответственности за (точнее — вглубь) границы психосоматической целостности личности». Это не столько дегуманизация, сколько предчувствие перспектив нового гуманизма¹⁴.

ные дополняет эту мысль: «...технологическая цивилизация заслуживает упрека не потому, что она является бесчеловечной сама по себе, а потому что она еще недостаточно гуманизирована и потому, что служит бесчеловечному строю». Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999. С. 353.

¹³ Г.Л. Тульчинский отметил, что «речь идет о невменяемости в обоих русских смыслах — как в плане отсутствия разумной осознанной мотивации, так и в плане невозможности вменения ответственности... Если постмодернизм и вмняем, то именно культурно — человека ответственного, вмняемой личности в нем нет и быть не может». (Тульчинский Г.Л. Указ. соч. С. 43, 44.) В.Л. Иноземцев заметил так же, что «...в рамках постмодернизма оказывается почти невозможно четкое *терминологическое* определение формирующегося социального состояния». Иноземцев В.Л. Современный постмодернизм: конец социального или вырождение социологии? // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 32.

¹⁴ См.: Тульчинский Г.Л. Указ. соч. С. 46, 52.

Постмодернисты предложили новые темы социополитического дискурса, которые совпадают с теорией постиндустриального общества и очень близки проблематике Франкфуртской школы и Т. Адорно. Прежде всего это тема растущей отчужденности человека, как расплаты за прогресс. Во-вторых, они акцентировали внимание на все возрастающей плюралистичности, многовариантности современного прогресса, а также на наметившемся отходе политических движений от массового социального действия. По их мнению, мотивы и стимулы человека изменились. Появились новые ценностные ориентации и нормы поведения. Другими словами, постмодернизм выделил характерные важнейшие черты общества постмодерна: демассификация, дестандартизация, преодоление принципов фордизма и отход от форм индустриального производства¹⁵.

Постмодернизм эсхатологичен. Его всеразрушающий бунт приводит к развенчанию индустриального мифа. Но новый миф постмодернисты создать не могут. Они считают, что абсолютной истины нет, поэтому у них нет какой-либо позиции, так как никто не имеет право навязывать кому бы то ни было свои заведомо неистинные постулаты. Постмодернисты не предлагают проектов переустройства мира. Они сомневаются и критикуют, и именно в этом видят свое историческое предназначение.

На смену истерическому бунту «безответственного», «невменяемого» постмодернизма приходят утопия и идеология. Постмодернистская мысль, а также экономические и политические перемены вывели на авансцену истории новые леворадикальные движения, которые не только разрушают существующую систему, но и создают «здесь и сейчас» новый чудный мир.

¹⁵ См.: Иноземцев В.Л. Указ. соч. С. 31. Н. Бердяев рассматривает этот вопрос более глубоко. Он считает, что «индивидуализм, атомизация общества, безудержная похоть жизни, неограниченный рост потребностей, упадок веры, ослабление духовной жизни — все это привело к созданию индустриально-капиталистической системы, которая изменила характер человеческой жизни, весь стиль ее, оторвав жизнь человеческую от ритма природы. Машины, техника, та власть, которую она с собой приносит... создают химеры и фантазмы, направляют жизнь человеческую к фикциям, которые производят впечатление наиреальнейших реальностей». Бердяев Н. Новое Средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., 1991. С. 17—18.

1. ПЕВОРАДИКАЛЬНЫЙ МИФ ПОСТМОДЕРНА: ОТ ДЕКОНСТРУКЦИИ К «НОВОМУ» ВОЗРОЖДЕНИЮ

Четыре десятилетия леворадикальные движения постиндустриального времени занимаются мифотворчеством. За этот короткий, по историческим меркам, срок леворадикальный либертарный миф претерпел многочисленные изменения. Его формы стали разнообразнее и насыщеннее.

Леворадикальный миф имеет много общего с хилиастическим мифом Средних веков. Николай Бердяев писал: «Конец капитализма есть конец новой истории и начало нового средневековья. Грандиозное предприятие новой истории нужно ликвидировать, оно не удалось. Но до этого быть может еще сделает попытку развиться техническая цивилизация до последних пределов...»¹⁶. В конце XX века индустриальная эпоха достигла своих пределов. Экономическое и духовное развитие человечества зашло в тупик. Пришло осознание простой истины: чтобы выжить, необходимо вернуться к материальному аскетизму, к ограничению экономического роста и принципа частной собственности. Придется перейти к более упрощенной и элементарной материальной культуре и более сложной духовной культуре¹⁷. Время сомнений и релятивизма должно закончиться. Человечество обретает новую истину, новую веру. Все больше представителей либертарных течений признают, что «истина действует уже одним своим присутствием, что идеи одного человека или страдания одного народа могут в гораздо большей степени воздействовать на человечество, чем все реформы вместе взятые»¹⁸. Прежде чем наступит новое Возрождение, необходимо «новое» Средневековье, новый процесс «радикальной» духовной Реформации.

¹⁶ Бердяев Н. Новое Средневековье... С. 20. Ту же мысль выразил и Эмманюэль Мунье: «...до того как наступит наше Возрождение, нам потребуются новые средние века». (Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999. С. 31.)

¹⁷ Там же.

¹⁸ Мунье Э. Указ. соч. С. 29.

Такой поворот к «новому» Средневековью происходит в настоящее время при помощи леворадикальных движений.

В целом мифотворчество левых радикалов постиндустриальной эпохи имеет ярко выраженные черты мениппейного жанра. Этим оно отличается от леворадикального мифа времен промышленной революции. В работе «Проблемы поэтики Достоевского» М.М. Бахтин писал, что важнейшим атрибутом мениппеи является пронизанность «карнавальным» мироощущением, одним из принципов которого является игровой момент. Два противоречия «серьезность» и «игра» объединяются здесь в единое амбивалентное целое¹⁹. Действительно, почти все акции современных леворадикальных движений сопровождаются обрядово-зрелищными формами народной смеховой культуры: карнавалы²⁰, площадные действия и акции протеста²¹, в которых нет ни исполнителей, ни зрителей. На короткое время участники акций погружаются в утопический хилиастический мир. Мир, в котором нет пространственно-временных границ. Мир, в котором действуют законы карнавальная свободы. Мир, который имеет вселенский универсальный, но, в то же время, амбивалентный характер. Мир, где идеально-утопическое и реальное временно сливаются в едином карнавальном мироощущении; мир, где «низ» и «верх» меняются местами, а официальность в лице полицейских, фебэроцев, подрядчиков и властей подвергается беспощадному осмеянию. В то же время смех направлен и на самих участников акций. В песнях, пародиях, в обычной фамильярно-площадной речи хилиасты смеются и над собой²².

За этот короткий промежуток времени происходит чудесное непостижимое вселенское обновление. Человек совершает экстатический прорыв в иной мир, в иное измерение, в утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия. Человек прикасается к истине, к вечности. Наступает катарсис.

¹⁹ См.: Коваленко В.А. Творчество как ценность в мире А. Платонова // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 92.

²⁰ См.: Thomas A. Repair The Streets. The Taking of The M41 // Verge. 14 (1996): 8.

²¹ См.: Smart A. Bobbies Barrage Brighton Beach. Earth First! 7 (1996): 16.

²² См.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 9—16.

Мениппейный жанр мифотворчества содержит в себе единство и борьбу двух противоположенных начал вселенной, борьбу двух воинств титанов: трикстеров и демиургов.

Демиурги стоят на страже гармонии и неподвижности космоса. Они ответственны за возникновение необходимости и избыточности «вещей», имеющих культурную универсальную ценность. В понимании леворадикалов — это силы «законности и порядка», истеблишмент.

Трикстеры же продуцируют случайность и бунт. Они ответственны «за возникновение в нем [мире] изменений, несущих с собой новизну, далеко не всегда соответствующую наличным потребностям и нормам»²³. Трикстеры невероятно активны. Они стремятся качественно преобразовать вселенную. Их цель — «светопреобразование», разрушение старого мироздания и создание нового. Действия их носят эсхатологически-энтропийный, но в то же время преобразующий характер. Им присущи инфантильность и игровой момент. Карнавализируя существующий строй, разрушая его, они создают новый мир, новый космический порядок. Таким образом, трикстеры постепенно превращаются в новых демиургов, которым приходится противостоять новому поколению трикстеров.

Постмодернизм отразил первый этап трикстеризма — хилиастический бунт. «Чистый» деконструктивизм породил многочисленные негативно-трикстерские проекты, осуществление которых требует человеческих жертв. Грани утопии еще размыты. Будущий рай земной плохо различим. Главное «здесь и сейчас» разжечь пожар бунта, освободить силы хаоса от оков порядка. Бунт должен дойти до своего логического конца. Его носители имеют два выбора: либо сгореть в этом огне, либо превратиться в демиургов.

«Пора кончать зажиточных паразитов!.. Мы уже не чувствуем жара от классовой борьбы, а огонь должен быть: где ж тогда греться активному персоналу!»²⁴

Трикстеризм, вернее «прометеизм», внутренне присущ западной цивилизации. Его безудержный активизм имеет свою обо-

²³ См.: Коваленко В.А. Указ. соч. С. 91—92.

²⁴ Платонов А. Котлован. Ювенильное море. М., 1987. С. 58.

ротную сторону. Только во второй половине XX века «было осознано, что так называемый «прометеизм» как безоглядный, «абсолютно свободный» поиск новизны ради новизны, чрезвычайно опасен»²⁵.

Постепенно трикстерское мифотворчество отходит от принципов «чистого» деконструктивизма. Леворадикальные движения начинают осваивать конструктивные формы осмысления действительности. Негативно-трикстерские проекты уступают место «положительным» программам радикальной духовной Реформации. «Здесь и теперь» левые радикалы создают свое автономное материально-информационное духовное пространство. Всеразрушающий бунт уступает место реализации хилиастических проектов по построению Царства Божия на земле.

2. ХИПИАСТИЧЕСКАЯ ФОРМА УТОПИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕВОРАДИКАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Царство Божие на Земле, согласно радикальной экологии, есть, прежде всего, Царство свободы и безвластия. «Жизнь в Боге есть свобода, вольность, свободный полет, безвластие, анархия»²⁶. История кончается там, где кончается власть. Там, где начинается метаистория, там начинается царство анархии, царство гармонии, гармонии между человеком и природой. Предпосылки гармонизации отношений с природой носят, прежде всего, социальный характер: это гармонизация отношений между людьми. «Для этого необходимо избавиться от иерархий во всех ее формах — психологических, культурных и социальных, а также от классов, частной собственности и государства»²⁷.

Прорыв в светлое «зеленое» будущее мыслится только через творческий акт; акт эсхатологический, ибо он завершит историю «падшести» этого мира; акт мессианский, так как за твор-

²⁵ Коваленко В.А. Указ. соч. С. 93.

²⁶ Бердяев Н. Самопознание. М., 1991. С. 62.

²⁷ Букчин М. Указ. соч. С. 171.

ческой личностью, за мессией-пассионарием последуют многие, кого волнует хилястическая надежда; акт оргиастический, эк-статический, так как здесь время перестает дифференцироваться. Настоящее переносится в абсолют. Чувственный опыт выступает во всей своей непосредственности, выплескивая экстаз и оргиастическую энергию глубоко материальную и высокодуховную в мирскую жизнь. Здесь «интересен лишь человек, в котором есть прорыв в бесконечность»²⁸.

Там, в будущем, результатом деятельности и исканий солидаризирующихся творческих личностей станет создание соборного сообщества, образуемого системой горизонтальных связей; сообщества, живущего в гармонии с природой и гармонии между людьми. Там уже не будет страдания, наука победит смерть. Восторжествует справедливость. Отчужденность всех видов канет в лету. Будет создано «экологическое общество, структурированное вокруг конфедеральной Коммуны коммун, из которых она [будет] организована согласно с экосистемами и био-регионом»²⁹. Достижение этой цели не откладывается «на завтра». Именно «здесь и сейчас» радикалы могут изменить мир. Для этого используется тактика «прямого действия». Захватывается конкретный участок улицы и, буквально за ночь, на ранее оживленной дороге создается сад³⁰. На месте строительства автотрассы возникает укрепленный лагерь³¹. Вершиной радикального творчества является экотопия³², экологические коммуны³³ и сквоты³⁴, где все чаяния и надежды осуществляются на практике: альтернативный стиль жизни, альтернативные источники энергии, альтернативное искусство и образование.

Постоянная напряженная борьба сопровождается формированием идеологии леворадикального движения. Явление это сложное и противоречивое.

²⁸ Бердяев Н. Самопознание... С. 55.

²⁹ Букчин М. Указ. соч. С. 174.

³⁰ См.: Garden In One Night // *Verge*. 14 (1996): 22—23.

³¹ См.: Macfarlane G., Scat N. Activists Reclaim Jack Road // *Earth First!* 6 (1996):1; 26.

³² См.: Ecotopia-1996 // *Verge*. 14 (1996): 30—31.

³³ См.: Introducing Communities // *Verge*. 13 (1996): 29—31.

³⁴ См.: Жилищный вопрос // *Утопия*. 1998—1999. № 2. С. 14—15.

3. «НЕГАТИВНАЯ ИДЕОПОГИЯ» ХИПИАСТИЧЕСКОГО РАДИКАПИЗМА. КОНТРКУЛЬТУРА

Как таковой детально разработанной идеологии у современных хилиастов не существует. Более того, сами они выступают за «отказ от идеологии»³⁵. Тем не менее некий эклектический набор идей раскрыть и перечислить все же можно. Американские исследователи «новых левых» П. Джекобс и С. Ландау назвали эту идеологию «негативной»³⁶. Негативна она потому, что большинство ее требований носит отрицающий характер. Хипиастическая идеология отрицает, прежде всего, существующий порядок вещей: паразитичность современной цивилизации, репрессивность и тоталитарность буржуазного общества. Более того, она отрицает и свою собственную организацию. Даниель Кон-Бендит заявлял, что «любое революционное движение должно исходить из того, что любая организация, форму которой оно принимает, противоречит самим целям революции»³⁷.

«Негативная идеология» хилиастов контркультурна, ибо отрицание существующей культуры носит творческий преобразующий характер. Хилиазм и контркультура являются частями одного энтропийного движения. Это хаос, порождающий порядок и, в то же время, разрушающий его. Все что не несет в себе отрицательного заряда, остывает и выпадает из ее потока, превращаясь в окаменелости различных субкультурных образований.

Контркультура создает центры, очаги кристаллизации революции, «оазисы будущего в настоящем». Эти «партизанские базы» не просто готовят великие перемены, но и реализуют утопию, создавая различные формы земного рая³⁸. В коммуне сквоте можно реализовать любые хипиастические грезы. Здесь можно

³⁵ Цит. по: Тарасов А.Н., Черкасов Г.Ю., Шавшукова Т.В. Левые в России: от умеренных до экстремистов. М., 1997. С. 73.

³⁶ См.: Jacobs P., Landau S. The New Radicals: a Report with Documents. N.Y., 1966. P. 76.

³⁷ Цит. по: Тарасов А.Н., Черкасов Г.Ю., Шавшукова Т.В. Указ. соч. С. 73.

³⁸ См.: Reich C.A. The Greening of America. N.Y., 1970. P. 19.

апробировать идеи прямой демократии и взаимозаменяемости эстетического и политического, предложенные Франкфуртской школой и адаптированные для «массового сознания» Гербертом Маркузе³⁹. Как правило, сразу же после захвата пустующего жилья и организации в нем сквота, коммунары разрисовывают стены дома, устанавливают во дворах и подъездах скульптуры, устраивают различные выставки и дискотеки. Их художественное творчество в основном носит политический характер⁴⁰.

Современное хилиастическое движение в общем молодежное: иногда люмпенское, чаще интеллектуальное. Они давно уже отказались от пассивных форм борьбы. Западные хилиасты больше не разделяют точку зрения Тимоти Лири о том, что наркотики — это психоделическое оружие революции⁴¹. Они не собираются выпадать из реального мира, уходя в наркотический сон. Они действуют активно «здесь и сейчас», используя анархо-синдикалистскую тактику «прямого действия», все еще считая ненависть революционным агентом. Происходит своеобразная психологизация политических процессов. В противоположность «излишне экономическому» подходу современные теоретики контркультуры говорят о необходимости замедления движения времени в живой пространственно-временной ячейке. Истинное существование возможно лишь в оргиастическом, даже в мистическом, пребывании в настоящем. Здесь можно, если не познать абсолютную истину, то, по крайней мере, принять правильное решение. Достигнуть этого не с помощью логики и интеллекта, а посредством чувств и инстинкта. «Только настоящее может стремиться к полноте. Это точка невероятной плотности. Мы должны научиться замедлять время, чтобы жить непосредственным переживанием, перманентной страстью... Чтобы созидать настоящее, необходимо исправить прошлое, изменить психогеографию нашего окружения, искоренить наши неосуществимые грезы и желания, ... позволить индивидуальным страстям найти гармоничное коллективное выраже-

³⁹ См.: Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев, 1995. Гл. «Эстетическое измерение». С. 176—202.

⁴⁰ См.: Жилищный вопрос // Утопия. 1998. № 2. С. 14.

⁴¹ Цит. по: Тарасов А.Н., Черкасов Г.Ю., Шавшукова Т.В. Указ. соч. С. 75.

ние»⁴². Подобный сенсуализм свойственен и хилиастической семиотике. Джон Зерзан, например, разоблачает современный язык и вообще символическое мышление. Он говорит об отчужденности обозначающего и обозначаемого. По его словам, наша цивилизация — это цивилизация образа, символические категории которого установлены с целью контроля над природой и чужаками. В этом, собственно, и заключается весь корень зла любой разновидности цивилизации. Хилиасту необходимо избавиться от образного мышления порождающего иллюзии, отчуждающего и подавляющего. Пусть интуиция станет средством постижения мира. Обоняние и осязание, если ими правильно пользоваться, расскажут нам больше о мире, чем химерическая система образов, символов и стереотипов⁴³.

«Слушайте, люди, слушайте!
Мы забыли о том, как надо слушать.
Гагара воеет свои древние послания
В прозрачной северной ночи.
А мы в это время сидим самодовольно
В звуконепроницаемых комнатах,
Наполненных жалким телевизионным светом...
Нам нужно время,
Чтобы впустить молчание!
Слушайте, люди, слушайте!»⁴⁴

Итак, философская и политическая мысль постиндустриального времени выявила три основных проблемы современного человечества. Прежде всего это проблема эсхатологическая: возможность гибели всего живого на Земле в результате ядерной войны или экологической катастрофы.

Вторая проблема — гуманистическая: происходит отчуждение человека от его собственного тела, что приводит к атомиза-

⁴² Vaneigem R. The Revolution of Everyday Life. Chapter 22. The Space-Time of Lived Experience // Anarchy. A Journal of Desire Armed. 1 (1997): 25, 27.

⁴³ См.: Zerzan J. Running on Emptiness: The Failure of Symbolic Thought // Ibid. P. 29—35.

⁴⁴ Knight P. Listen! // Earth First! Campfire Poems. An Anthology of Biocentric Poetry. Tucson, Arizona, 1998. P. 126.

ции личности. Одиночество и утрата свободы личности становится главной темой современной культуры.

Третья проблема — экономическая: принцип частной собственности вновь подвергся сомнению. Начался активный процесс нарушения границ владений. Решить эти проблемы, по мнению леворадикалов, можно только посредством *вовлечения* каждого человека в процесс поиска альтернативных путей развития цивилизации, посредством возобновляемого включения представителей всех групп общества в борьбу за освобождение личности, за экономическую и политическую справедливость⁴⁵.

Либертарная мысль предлагает разнообразные проекты выхода человечества из всеобъемлющего кризиса современной цивилизации. Множество таких проектов предполагает разнообразие леворадикальных движений.

4. РАЗНОВИДНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Нарушение владений:
стихийный и идеологизированный сквоттинг

Нарушения владений практиковались во все времена. И государство, и обычные граждане постоянно захватывают друг у друга собственность. Отличие заключается только в том, что действия властей часто считаются легальными, деяния же простых людей — преступными. В новейшее время конфликты, связанные с нарушением владений, достигли небывалых размеров. Начался великий передел собственности. В связи с этим в конце шестидесятых годов в лексиконе леворадикальных движений появилось новое слово — «сквоттинг» (squatting). Оно означает движение за

⁴⁵ Э. Мунье отметил, что «свобода личности состоит в том, чтобы самой обрести свое призвание и свободно находить средства для его реализации ... свобода личности — это вовлечение». (Мунье Э. Указ. соч. С. 310.)

нелегальный захват пустующей неиспользуемой хозяевами собственности (вакантные земли, помещения). Захваченные владения активно используются сквотерами по назначению: производство сельскохозяйственной продукции, решение жилищных проблем, создание культурных и политических центров и т. п.

Философия и метод сквотинга в концентрированном виде отражается в символе этого движения: молния, пронзающая круг. Этот знак придумали хобосы, странствующие сезонные рабочие. По-английски он выражается глаголом «continue on» и имеет несколько тайных смыслов: «там впереди безопасное убежище», «упорная постоянно возобновляемая борьба», «первая попытка — неудача, вторая — прорыв». Взятый из языка хобосов, этот знак превратился в символ сквотерского движения. Скрытые значения этого знака отражают в основном ненасильственный метод их борьбы: использование СМИ для создания благоприятного общественного мнения о сквотерском движении, лоббирование, демонстрации и пикеты, бойкоты и забастовки симпатизирующих движению профсоюзов, бегство в горы и, самое важное, постоянное нарушение владений и арендные забастовки⁴⁶. Подобные методы гражданского неповиновения в условиях все возрастающих репрессий доказали невероятную эффективность подобной тактики борьбы в индустриально развитых странах. В странах же третьего мира такая эскалация напряженности в обществе часто приводит к массовым убийствам, гражданской войне и даже к революциям.

Первичной формой этого движения является стихийный сквотинг — борьба, не обремененная идеологией и саморефлексией. Стихийный сквотинг чаще всего встречается в развивающихся странах. Его носителями являются крестьяне, сельскохозяйственные рабочие, туземные племена.

Глобализация экономики привела к появлению политики неокOLONиализма. Включение государств третьего мира в систему общего рынка приводит к структурным изменениям их экономики, к истощению их энергетических ресурсов. Транснациональные корпорации переносят в эти страны устаревшие,

⁴⁶ См.: Corr A. No Trespassing! Chapter 5. Violence and Cycles of Reform // www.squat.net / archive P. 48—49.

вредные для окружающей среды технологии, и это часто приводит к непоправимым последствиям. В результате реализации подобных проектов с мест постоянного проживания насильственно выселяются десятки тысяч человек. Как правило, они остаются без земли и без средств к существованию. Можно назвать еще две причины обезземеливания и выселения сельских общин и племен — неспособность выплаты ими налогов или долгов, что так же связано с процессами глобализации экономики, а также изъятие общинных земель туземных племен в пользу европейских граждан данной страны.

Сопrotивление изгнанников жестоко подавляется. Известны многочисленные случаи массовых убийств, суицидов, избиений и арестов. Так, согласно Комиссии по пастушеским землям Бразильской католической церкви, в период с 1964 по 1992 годы, в ходе конфликтов, связанных с нарушением владений, в Бразилии было убито 1684 сельскохозяйственных рабочих. В начале девяностых годов в Бразилии произошел вопиющий случай массового суицида в племени Кайова. Одна из деревень этого племени 5 раз подвергалась выселению с их исконных земель. В конце концов, группа фермеров погрузила всех жителей деревни в грузовики и вывезла их в другой район страны. Власти не предприняли никаких мер, чтобы защитить людей от произвола «бледнолицых» землевладельцев. Сами индейцы защитить себя с помощью пик и ружей не смогли. В деревне начался голод. В конечном счете собрание вождей племени приходит к решению прибегнуть к массовому суициду. С 1991 по 1994 годы 120 представителей племени Кайова, следуя своей традиции, покончили жизнь самоубийством. «Мы устали от угроз», — сказал один из вождей племени, — «Мы не можем ухаживать за своими посевами, так как в любой момент полиция может нас выгнать. Поэтому мы предпочитаем умереть, чем отказаться от нашей земли»⁴⁷.

Землевладельцы и правительства латиноамериканских стран повсеместно используют массовые убийства непокорных граждан, стирая, порой, с лица земли целые деревни. Как правило, это является кульминацией репрессий в ходе борьбы за передел собственности.

⁴⁷ См.: Ibid. P. 12.

Массовые аресты были характерны и для Индии. Так, в результате мелиоративных работ с мест постоянного проживания были изгнаны десятки тысяч крестьян. В 1970 году эти люди заняли 6100 га правительственных и частных земель. В итоге специальной операции за решеткой оказались 20 тысяч безземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Махатма Ганди высказался против такого рода массовых арестов. Он объяснил это тем, что очень много средств приходится тратить на содержание и охрану заключенных. Массовые аресты, по его мнению, направляют так же общественное мнение против правительства. В связи с этим необходимо использовать скрытые формы репрессий. Например, сокращение помощи и инвестиций в экономику данного района⁴⁸.

Но не только власти развивающихся стран «грешат» подобными репрессиями по отношению к собственным гражданам. Так, в США резервация Пайн Ридж (Южная Дакота) с 1973 по 1976 годы более 500 раз привлекалась к суду за нарушение границ владений. За это время большинство вождей Движения американских индейцев было арестовано или сослано, 342 индейца было ранено, 69 — убито. В 1970 году несколько десятков индейцев племени Пуялуп попытались восстановить свои права на ловлю рыбы в реке Пуялуп. 9 сентября полиция уничтожила их лагерь и арестовала 60 активистов, включая пятерых детей. На следующий день фермеры разграбили лагерь и утопили лодки индейцев. В январе 1971 года при загадочных обстоятельствах погиб вождь этого племени⁴⁹.

Стихийный сквотинг существовал и в послевоенной Италии. Голодные сельские жители южных районов страны в поисках работы устремились в северные промышленные города. Жить им там было негде, и они стали захватывать пустующие помещения и образовывать в них сквоты-коммуны. Так, в Милане в 1977 году в 50 захваченных зданиях ютилось около 200 постоянных и 35 тысяч временных поселенцев. Такая насыщенность и концентрация радикально настроенных сквотеров превратила Милан в контркультурную столицу Италии. Здесь за-

⁴⁸ См.: Ibid. P. 5—9.

⁴⁹ См.: Ibid. P. 12—13.

рождался национальный «андеграунд». Здесь же планировались грандиозные битвы с капиталом и патриархатом. Попытки властей выселить сквотеров из занимаемых ими помещений приводили порой к самым непредсказуемым последствиям. Так, в 1971 году такая попытка закончилась бунтом рабочих и студентов, симпатизировавших сквотерам. Уничтожить незаконные поселения властям так и не удалось. Выселенные из одного дома поселенцы тут же занимали другой. Именно во время этих событий женская часть сквотеров придумала новый тип сопротивления: возникло движение за само понижение цен. Семьи сами стали устанавливать цены за коммунальные услуги и транспорт⁵⁰.

Стихийный сквотинг присущ так же бродягам: цыганам, «новому поколению» путешественников и разного рода маргиналам. В своих скитаниях по миру они часто используют для временной остановки чужие владения. Колоссальных размеров бродяжничество достигло в середине восьмидесятых годов в Великобритании. По некоторым подсчетам по стране постоянно перемещалось до 100 тысяч «перекати-поле». «Будучи бездомными, они стараются быть заметными, а, будучи заметными, они становятся бельмом на глазу у правительства, которое предпочитает стимулировать экономику посредством сокращения финансирования общественных служб»⁵¹. Государство начало крупномасштабную кампанию против бродяжничества и нарушения границ владений. Тон задала Маргарет Тэтчер. В 1986 году она назвала «новое поколение» путешественников «ордой средневековых разбойников». Эта кампания стала кульминацией в криминализации властями бродяжничества и нарушения границ владения. 17 декабря 1993 года был принят Public Order Bill, отменивший места для временной остановки (stopping places) и ужесточивший наказания за нарушение границ владений. Эта ситуация чем-то напоминала попытки искоренения бродяжничества в Англии в XVI веке. Только тогда бродяг вешали, заставляли работать на мануфактурах, либо увозили за океан. Теперь же их просто стали

⁵⁰ См.: Katsiaficas G. The Subversion of Politics. European Autonomous Social Movements and The Decolonization of Everyday Life. New Jersey, 1997. P. 22—23.

⁵¹ Fairlie S. Them That Trespass Against Us // The Ecologist. 1 (1994): 5.

отправлять за решетку. Положение «нового поколения» путешественников было даже хуже чем у их средневековых коллег. Если в XVI веке в стране еще были общинные земли, то к концу XX века почти все они были приватизированы. Сейчас в Великобритании негде поставить палатку так, чтобы не нарушить границы чьего-то владения.

По всей стране начались выступления против этого драконовского закона. Даже Федерация полицейских Великобритании встала к нему в оппозицию. Полицейские потребовали разделить бродяг на тех, кто скитается по идейным соображениям и тех, кто делает это по необходимости. Первые, по их мнению, представляют большую опасность для государства, и по отношению к ним необходимо принимать более строгие меры⁵².

«Идейные» бродяги, как правило, имеют свою философию и этику. Путешествия делают их свободными и независимыми, автономными от существующей системы. Политизированные бродяги, в большинстве своем, являются космополитами. Они выступают за отмену границ и за свободное передвижение людей по планете. Они считают, что все виды собственности, кроме личной и коммунитарной, являются несправедливыми и поэтому не имеют право на существование.

Особое значение в их среде приобретает стиль жизни «Dumpster Diving» (дословно: «ныряние в мусорный бак»), который дает им материальную возможность существовать автономно от существующей системы. Добывание средств к существованию на мусорках и свалках — обычное явление для США. Но особое политическое звучание оно приобрело у сквоттеров и леворадикальных панков, которые чаще всего и пополняют ряды «идейных» бродяг.

Во многих индустриальных странах существуют законы, которые требуют от производителей и продавцов выставлять на прилавки продукцию очень высокого качества. Это приводит к тому, что в мусорных баках оказываются продукты вполне пригодные к употреблению. Их количество резко возрастает в период кризиса перепроизводства. Многие активисты и даже целые леворадикальные организации не брезгают копаться на свал-

⁵² См.: Ibid. P. 7.

ках. Добывая таким образом продукты питания и различные вещи, они не просто удовлетворяют свои личные потребности (многие из них принципиально нигде не работают), но и осуществляют крупномасштабные социальные проекты. Например, организация «Пища, а не бомбы» (Food not Bombs) кормит собранными на свалках продуктами бездомных людей, и даже отправляет караваны с продовольствием в мятежный мексиканский штат Чипас. Естественно, эта организация не имеет государственной лицензии на подобный вид деятельности, за что и подвергается постоянному преследованию со стороны властей⁵³.

«Новое поколение» путешественников активно использует dumpster diving во время своих скитаний по планете. Даже в слаборазвитых странах они умудряются находить пропитание в мусорных баках. Dumpster diving и «автостоп» обеспечивают «идейным бродягам» полную независимость и автономность во время путешествий. С их помощью они могут придерживаться своих политических принципов (No Compromise!) и свободно осуществлять свою главную роль в движении, являясь «разношечиками» леворадикальных идей по всему миру⁵⁴.

Итак, постепенно стихийный сквоттинг идеологизируется и политизируется. Начинает формироваться скоординированная сеть международного сквотерского движения. Борьба крестьян за землю в развивающихся странах объединяется с борьбой бездомных людей промышленных мегаполисов. Происходит своеобразная глобализация движения сквоетров за место под солнцем.

Процесс революционизации стихийного сквоттинга во всех странах третьего мира следует по одному шаблону: «крестьяне захватывают участок земли, армия или наемники землевладельца пытаются согнать их с этой земли, крестьяне прячутся на ближайших холмах, а когда военные уходят, [то они вновь] возвращаются на захваченный ими участок. Так продолжается до первой крови. Таким образом, появляется революционное крестьянское движение»⁵⁵. Наиболее примечательным примером является Мексика.

⁵³ См.: Corr A. No Trespassing. Chapter 1. Homes not Jails. Op. cit.

⁵⁴ См.: As dirty as I want to be // Profane Existence. 27 (1995): 14—17.

⁵⁵ См.: Corr A. Op. cit. P. 80.

В начале семидесятых годов в Мексике разразился земельный кризис. Каждый второй мексиканский крестьянин не имел своей земли, в то время как 1 % сельских хозяйств использовали более 30 % всех пахотных земель. Земельный кризис усилился после введения в силу Северо-Американского соглашения о свободной торговле. Крестьяне и фермеры Мексики не выдержали конкуренции с коллегами из США и Канады. В течение девятидесяти лет за неуплату долгов банки лишили права пользования землей около 10 тысяч крестьян. В то же время новое правительство отменило статью 27 Конституции страны, поддерживавшую систему владения землей *ejido*⁵⁶. Статья 27 была главной победой крестьян во время гражданской войны 1910 года. На нее возлагали надежды реформаторы. Теперь же после отмены этой статьи в стране началась приватизация общинных земель. Надежды крестьян на улучшение своего бедственного положения рухнули. 400 тысяч га было закуплено иностранными лесозаготовительными компаниями, которые приступили к вырубке уникальных эвкалиптовых лесов в южных штатах Мексики⁵⁷.

Статья 27 по праву считалась детищем вождя крестьянской революции 1910 года Эмилио Сапато, поэтому появление в джунглях Чиapas партизан-сапатистов ни у кого не вызвало удивления. В конце семидесятых годов сапатисты создали автономную сеть движения за захват земли и противодействие репрессиям «Аяла», а также образовали независимые крестьянские профсоюзы. Организация была разбита на ячейки и группы самозащиты. В 1983 году репрессии властей усилились, и сапатисты ушли в подполье. Произошел серьезный поворот в тактике движения. Ненасильственные методы гражданского неповиновения уступили место вооруженному сопротивлению. 1 января 1994 года сапатисты открыто объявили войну правительству и захватили большую часть штата Чиapas (южная часть Мексики). Эту террито-

⁵⁶ Ejido — общинная земля, обычно раздаваемая небольшими участками жителям деревни для обработки, согласно федеральной системе поддержки временного владения землей. (См.: Webster's New World Dictionary. Cleveland and New York, 1988. P. 435).

⁵⁷ См.: Langelle O. International Paper Gives Mexican Gov Marching Orders. Zapatistas Drum Different Beat // Earth First! 3 (1999): 16.

рию они контролируют до сих пор. Лозунг сапатистов за девяносто лет не изменился: «Земля и свобода!».

Потомки древних майя и радикалы-интеллигенты подняли знамя борьбы против глобализации капиталистической экономики и массовой культуры, против нищеты и бесправия, за самоуправление и идейную автономию. Движение сапатистов часто называют «первой постмодернистской герильей». Именно сапатисты инициировали международное движение против глобализации экономики, собрав на своей территории Всемирный конгресс за человечность и против глобализации. Лидер повстанцев субкаманданте Маркос предложил свой проект деконструкции «нового мирового порядка» эпохи неолиберализма. Он призывает «строить “новый мир”», сплетая его из разноцветных лоскутков всемирного движения сопротивления любому виду господства». Антинеолиберальный бунт, тем не менее, не преследует анархические или сепаратистские цели. «Сапатистская армия национального освобождения (САНО) и все туземное национальное движение не стремятся к отделению индейских народов от Мексики... Они мечтают о Мексике, построенной на принципах демократии, свободы и справедливости»⁵⁸.

Несмотря на то, что требования сапатистов-интеллектуалов являются по своей сути буржуазно-демократическими, леворадикальные движения всего мира считают крестьянское восстание в Чиапасе явлением анархическим, либертарным. Существует международная сеть солидарности и сопротивления за выживание сапатистского движения. С помощью этой сети сапатисты не только распространили свои идеи по всему миру, они так же выиграли информационную войну с правительством Мексики. Симпатии мировой общественности явно находятся на стороне повстанцев. Этому не мало способствовали и фильмы, снятые в Чиапасе в 1998 году видеокооперативом берлинских сквотеров АК КРААК при финансовой поддержке альтернативистского фонда XminusY Solidarity (Голландия)⁵⁹. Власти Мексики проиграли так же и войну виртуальную. Так, 10 апреля 1997 года

⁵⁸ См.: Субкаманданте Маркос. Четвертая мировая война началась! Краснодар: Леворадикальное издательство «Черное и Красное», 2000.

⁵⁹ См.: Film «Beweg dich — !Muevete!» // АК КРААК. 1999.

правительство объявило в столице страны мобилизацию, которая являлась частью плана уничтожения очага сапатистского сопротивления. «Политизированные» хакеры, сторонники повстанцев, объявили по всему миру свою кибер-мобилизацию. В январе 1998 года Анонимная цифровая коалиция предложила план «сидения» на вебсайтах пяти финансовых корпораций города Мехико. Была выбрана временная зона для одновременной перезагрузки этих вебсайтов посредством постоянной посылки на них всевозможных запросов. Произошла эффективная блокада компьютерных сетей финансовых корпораций Мексики⁶⁰. Движению сапатистов оказывается так же финансовая и продовольственная помощь. Так, американская организация «Продукты, а не бомбы» (Food Not Bombs) ежегодно отправляет в мятежный Чиapas караваны с продовольствием и медикаментами⁶¹.

Сапатистское движение является, пожалуй, единственным примером идеологизированного сквотинга в сельских районах развивающихся стран. Идеологизация и политизация сквотинга чаще всего происходит в крупных европейских и североамериканских городах. Как уже было сказано, подобного рода сквотинг впервые появился в северных городах Италии в начале семидесятых годов. Далее движение проникает в Швейцарию, Германию, Данию и Голландию. В восьмидесятых годах идеологизированный сквотинг достигает своего апогея, и нет уже такой индустриальной капиталистической страны, где бы не было сквотов.

Нарушая границы владений, «идейные» сквотеры не просто удовлетворяют свои насущные потребности, они реализуют свою утопию. Сквотеры вовлечены в коллективный процесс общей контркультурной борьбы. Если захватывается пустующее здание, в нем, как правило, помимо комнат для жилья, создается культурный или политический центр: конференц-залы, кафе, информационные центры, магазинчики, в которых продаются леворадикальные книги, газеты и журналы. Художники разрисовывают стены сквота. Скульпторы устанавливают в них свои тво-

⁶⁰ См.: Wray S. Virtual Luddites. Monkeywrenching on the Web // Earth First! 6 (1998): 1, 16.

⁶¹ См.: Corr A. Op. cit. P. 75.

рения⁶². Так, в Кельне в середине восьмидесятых годов сквотеры захватили бесхозный комплекс шоколадной фабрики «Штольверке». Помещение администрации превратилось в многоквартирный дом, а в огромном здании самой фабрики поселенцы устроили зал для конференций и фестивалей. Стены зала расписали многие известные художники города. Директор городского музея, увидев творения их рук, воскликнул: «Нельзя допустить, чтобы это было разрушено. Это искусство, которое должны увидеть потомки!». Вскоре полиция выселила сквотеров из фабрики, несмотря на протесты общественности города⁶³.

Сквотеры, подобно античным греческим колонистам, занимали пустующие здания и, порой, такая экспансия приводила к образованию целых анклавов, свободных зон, оазисов альтернативного образа жизни. Так, в Кельне в конце восьмидесятых годов было более 100 захваченных домов. Кварталы сквотеров существовали в Западном Берлине — Кройцберг, в Гамбурге — Хафенштрассе. После падения берлинской стены в Восточном Берлине возник самый крупный в Европе сквотерский район — Майнцерштрассе. Вскоре деятельность сквотеров объединенного Берлина стала координироваться посредством Совета делегатов от различных домов. Использовалась так же информационная сеть и система координации между домами. Это помогало им эффективно отражать атаки полиции и неонацистов⁶⁴.

Сквотеры стремились оккупировать не только пустующие дома, но и ближайшие парки. Так, в Цюрихе, в парке озер появился город лачуг «Чаотикон». В середине восьмидесятых годов в Швейцарии ширилось движение за создание автономных молодежных центров. Такие центры появлялись во всех вновь образованных сквотах. Городок «Чаотикон» олицетворял собой слияние автономного молодежного движения с борьбой за деджентрификацию⁶⁵ парков и других общественных мест⁶⁶. До сих

⁶² См.: Жилищный вопрос // Утопия. Зима. 1998—1999. № 2. С. 14.

⁶³ См.: Костенко Д. Автономы // Черная Звезда. 1994. № 4. С. 3.

⁶⁴ См.: Katsiaficas G. Op. cit. P. 54.

⁶⁵ Деджентрификация — превращение мест общественного пользования в зоны коммерческих интересов, приводящее к ограничению доступа людей в эти зоны.

⁶⁶ См.: Katsiaficas G. Op. cit. P. 65—66.

пор продолжается борьба сквотеров и радикальных экологов Нью-Йорка за сохранение общественных садов, созданных ими на пустырях и свалках Манхеттена (Лойер Ист Сайд). Вот уже 20 лет существует нью-йоркская коалиция за сохранение садов, которая инициирует судебные процессы, а также использует нелегальные методы борьбы⁶⁷. Манхеттенские «радикальные садоводы» и сквотеры одними из первых применили виртуальные методы саботажа. Несколько раз им удавалось блокировать вебсайты некоторых административных учреждений города⁶⁸.

Сквотеры не просто обустроивают и облагораживают свое жизненное пространство, но и пытаются решить социальные вопросы. Так, в результате экономического кризиса восьмидесятых годов в США на улицах городов появились десятки тысяч образованных и квалифицированных бомжей. «Те, кто когда-то были хорошо образованы, кто не пил, не кололся, у кого все было в порядке с головой, те, кто до недавнего времени входил в ряды среднего класса, все они пополнили армию традиционно бездомных людей, большинство из которых являлись наркоманами или были психически нездоровы»⁶⁹. Бездомность стала приобретать политический характер. У нее появилась своя философия и мораль. По всей стране стали появляться организации бездомных, которые применяли тактику сквотинга. Наиболее успешную компанию сквотинга проводит организация «Дома, а не тюрьмы» (Homes Not Jails), филиалы которой находятся в Сан-Франциско, Филладельфии, Оукланде и Нью-Йорке. По мнению активистов этой организации, большой несправедливостью является тот факт, что на фоне острой проблемы бездомности существует огромное количество пустующих жилых помещений. По их подсчетам, подтверждающимся официальной статистикой, в больших городах США существует достаточно вакантных квартир, чтобы обеспечить ими всех нуждающихся. Решить проблему мешает принцип частной собственности, поэтому члены этой организации идут на сознательное нарушение владений. «Сквотинг — нарушение основной идеи общества. Собственность священна. Когда ты вскрываешь [пустующее]

⁶⁷ См.: Brown B. Radical Gardening // Earth First! 5 (1998): 17.

⁶⁸ См.: Wray S. Op. cit. P. 16.

⁶⁹ Corr A. Op. cit. P. 4.

помещение, ты нарушаешь права чьей-то собственности», — так говорил самый молодой активист этой организации Конни Моргенштерн. В период с 1988 по 1993 годы активистам этой организации удалось нелегально передать бездомным более 300 вакантных квартир⁷⁰. При этом сквотеры строго придерживались трех принципов сквотинга: ненасилие, отказ от употребления наркотиков и принятие решений через консенсус. Ими практиковались два типа захвата помещений: скрытый (нелегальный) и символический. «Эта двойная, скрытая и публичная, стратегия позволяла Homes Not Jails (HNJ) немедленно обеспечивать жильем сразу большое количество бездомных, в то время как СМИ воздействовали на общественное мнение и политиков [в пользу действий организации]»⁷¹. СМИ за 7 лет существования этой организации придали ей невероятный политический вес на местном уровне. Сквотеров представляли как Робин Гудов. «В противоположность наркоманам, бандитам, чиновникам и енотам, HNJ появляется в квартале с чувством скромности и уважения» — это обычный отрывок взятый из местной газеты⁷². Во время обустройства жилья HNJ строго придерживается метода «sweat equity», применявшегося в США еще в XIX веке. Суть этой жилищной политики заключается в следующем. Арендная плата с жильцов взимается не деньгами, а их работой по ремонту своей квартиры, подъездов, подвалов дома, а также по благоустройству прилегающей к дому территории. «Посредством “sweat equity” бездомные... улучшают свои условия проживания, обмениваются строительными навыками и придают особое значение ответственности, связанной с правом на жилье. Этот метод прекрасно подходит тем бездомным людям, которые являются профессиональными рабочими, попавшими в горнило безработицы, выселения»⁷³. Более того, этот метод дает людям возможность участвовать в реализации общего проекта. Они *вовлечены* в общее дело. Это прекрасный способ не только материальной, но и духовной реабилитации бездомных людей.

⁷⁰ См.: Corr A. Op. cit. Chapter 1. Homes Not Jails. P. 4—5, 7.

⁷¹ Ibid. P. 8.

⁷² См.: Ibid. P. 10.

⁷³ Ibid. P. 11.

Аналогичная практика существовала и в Западной Европе. Наиболее ярким примером является территориальная производственная коммуна «Христиания». Она образовалась в сентябре 1971 года на территории бывшей военной базы НАТО на острове Христиания в Копенгагене. В течение первого года ее существования тысячи сквотеров стали обживать 156 бесхозных армейских казарм. С тех пор Христиания превратилась в основной опорный пункт контркультурной оппозиции в Дании. Все это время поселенцы отбивали постоянные атаки полиции и байкеров, боролись с наркоманией и создавали рабочие места в различных альтернативистских самоуправляемых предприятиях. Христиания стала настоящей котркультурной Меккой для датчан и иностранцев. Возникла она на волне датского тинейджерского движения «Фронт освобождения детей». Лозунгом Фронта были слова: «Освободите нас от наших родителей!» Конфликт «отцов и детей» привел к появлению в Дании стихийного сквотинга, который и привел к возникновению Свободной Республики Христиании. Сотни людей жили здесь нелегально. Органы власти в коммуне не действовали. Совместные решения поселенцы принимали на общем собрании Ting (аналогично русскому вече). С 1971 года Ting стал использоваться и в других «свободных зонах» Дании.

Несмотря на то, что Христиания была сквотом, она все же оплачивала коммунальные услуги и арендную плату. Деньги нужны были поселенцам так же на реализацию различных проектов. В каждом квартале был человек, ответственный за сбор взносов (около 100 долларов в месяц за человека в 1990 году). Так же все альтернативистские предприятия Христиании вносили свою долю в «большую коробку», которая являлась фондом коммуны. Из этого фонда выдавались гранды на осуществление различных проектов.

На территории коммуны существовали различные альтернативистские предприятия. Было налажено изготовление экологических печей и уникальных велосипедов (дизайн «Христиания»), ювелирных изделий и керамики, свечей и обуви. Альтернативные целители лечили больных, а рестораны и кафе кормили голодных. Рабочие этих предприятий имели свои советы, собрания которых были открыты для всех.

Отношения с властями выясняла в основном Радужная армия, сформированная из старейших коммунаров. Ненасильствен-

ными методами они предотвращали угрозу уничтожения коммуны, ремонтировали здания, удовлетворяли различные потребности поселенцев. 1 апреля 1976 года датские власти пообещали выселить сквотеров, но национальная компания, организованная Радужной армией, предотвратила эту угрозу. 25 тысяч человек поддержали Христианию. Одна из популярных датских групп организовала в Свободной Республике студию звукозаписи. Театр «Действие Христиании» совершил тур по стране с пьесой «Апрельский День Дураков». Но предотвратить угрозу выселения Радужная армия смогла только после полной легализации коммуны. Таким образом, из «свободной зоны» Христиания превратилась «в очаровательную деревушку времен феодальной Европы, где автономные принципы существовали только с позволения лорда». Разложению сквота так же способствовали разрешенные на ее территории легкие наркотики, которые источили Христианию изнутри⁷⁴.

Между сквотерскими организациями США и Западной Европы существует, на первый взгляд небольшая, но, тем не менее, существенная разница. Несмотря на нелегальность своих действий, американцы все же стремятся как можно скорее направить процесс в законное русло, поэтому главными условиями принятия решений у них являются компромисс и консенсус. Европейские «политические» сквотеры до конца сопротивляются легализации своих коммун. Действия их в основном носят контркультурный характер. Они предпочитают идти против течения. Ими отрицаются консенсус и компромисс. Решения принимаются в их среде только на основании всеобщего согласия.

Мюспи и Моппи: от новых певых к панк-певачеству

В конце семидесятых годов рок-н-ролл почти полностью коммерциализировался. Он перестал ассоциироваться с бунтом и контркультурой. Ему на смену пришел новый стиль — панк-рок. Явление это было маргинальное, подпольное, имело ярко выраженный политический характер. Панк-музыка «была средством выплескивания агрессивной реакции против домини-

⁷⁴ См.: Katsiaficas G. Op. cit. P. 121—125.

рующих проявлений конформизма и потребительства»⁷⁵. «Никакой власти никому!» — популярный лозунг 1981 года. Он отвергал политику истеблишмента, которую использовали молодые конформисты, стремящиеся попасть во властные структуры. Черный цвет, цвет анархии и свободы, стал стилем новой моды и поведения. Это был цвет презрения, презрения к государству, к американизированной массовой культуре, к капитализму и государственному социализму. Черный цвет стал цветом политической пустоты, символом автономии от партий, правительства и нации. Существование панк-рока как явления контркультурного и революционного возможно только при условии сохранения и постоянного воспроизводства его первоначального политического контекста. Тэд, редактор панк-журнала «Profane Existence», писал: «Мы должны [постоянно] придерживаться политической точки зрения, иначе панк умрет. Он умрет потому, что без политического сознания панк не будет способен поддерживать ту среду обитания, в которой он способен выжить. Это называется самосохранением, [самосохранением] от вторжения корпораций или политического раскола... Чтобы поддерживать высокий уровень организации... — нам необходима хорошо развитая идея «анархических» ... антиавторитарных концепций»⁷⁶.

Из всех внутренних различий внутри автономистского движения самым ярким было отличие между панками и хиппи, или, как их называли в Германии, Молли⁷⁷ и Мюсли⁷⁸. Мюсли, как правило, носили длинные волосы. Это были экологически ориентированные активисты, которые придерживались непротивленческих взглядов. Они осуществляли широкомасштабные образовательные проекты, жили в коммунах и развивали «гармоническую освобожденную чувствительность» по отношению к жизни. Левые Мюсли считались «мягкими» в сравнение с бунтарями-панками, политику которых сразу же окрестили как «жесткий курс» (hard line). Мюсли тяготели к сельской местности, панки же, в большинстве своем, были городскими жителями.

⁷⁵ Ibid. P. 88.

⁷⁶ Ted. Hills, Punx and Homebrew // Profane Existence. 27 (1995): 45.

⁷⁷ Термин Молли происходит от названия бутылки с зажигательной смесью — «коктейль Молотова».

⁷⁸ Мюсли — каша на завтрак.

Панки были грубее. Они одевались во все черное и олицетворяли мужское начало в автономистском движении. Мюсли же были теплее и доброжелательнее. Они ассоциировались с женским началом. В политической культуре автономистского движения эти две противоположности тесно сплетались друг с другом, образуя единство целостности и многообразия.

Леворадикальные панк-группы походили чем-то на бардов, трубадуров международного автономистского движения. Темы панк-песен совпадали с общими темами движения: борьба за права животных, насилие полицейских, глобализация капиталистической экономики, милитаризм, борьба за сохранение природы, права женщин и гомосексуалистов. Фред, вокалист группы «State of Fear», так высказался по этому поводу: «Причина, почему люди [панк-музыканты] так много пишут об этом, заключается в том, что это проблемы реальные, проблемы нашей повседневной жизни... Это не изменит мир, но может разбудить людей»⁷⁹.

В начале восьмидесятых годов в леворадикальном панк-движении сформировалась своеобразная этика «Сделай сам» (Do It Yourself) — DIY. Суть этой морали заключалась в том, что истинным панк-роком стало считаться движение некоммерческое, движение политизированное, левацкое. Одной из первых групп, придерживавшихся этой этики, стала группа «Black Flag» (США). Они впервые сумели совершить национальное турне без финансовой помощи промоутеров и без ширококомасштабной «раскрутки». То есть, они все *сделали сами*. Пример был заразителен. Теперь, чтобы устроить длительное турне по стране, не нужно было в поте лица работать над своим имиджем, заискивать перед воротилами шоу-бизнеса и хозяевами клубов. Достаточно было завязать знакомства с единомышленниками в других городах, выпросить деньги на бензин у родителей и смело отправляться в путь. Вскоре появилась национальная и международная сеть DIY-промоутеров, которые предлагали группам альтернативный способ организации гастролей. Все они работали за идею. Их деятельность не носила коммерческий характер.

⁷⁹ State of Fear // Profane Existence. 27 (1995): 25.

В начале девяностых годов DIY-группы заполнили США. Начался кризис перепроизводства. Предложение явно превышало спрос. Во всех маломальских городках страны два-три раза в неделю стали выступать многочисленные неизвестные панк-группы. Качество музыки резко пошло на убыль. Любая группа, сочинив несколько песен, стремилась тут же донести их до слушателей. Действительно талантливые музыканты просто терялись среди этого «нашествия» дилетантов. Стал падать так же и интерес у фанатов к этому стилю музыки. Началось пресыщение⁸⁰.

Тем не менее DIY-этика сделала свое дело. Она не просто облегчила новым группам доступ на национальную и международную панк-сцену, она так же внесла в движение мощное политическое автономистское звучание. Левый радикализм DIY-стиля направлен против капиталистической музыкальной индустрии. Он являет собой пример альтернативного, свободного от эксплуатации образа жизни. Лозунг этого направления — «Кооперация, а не конкуренция!». Его основа — солидарность единомышленников и напряженная интеллектуальная работа. «Знайте, что панк — это не только проколотые уши и татуировки! Панк — это то, что у тебя внутри, а не снаружи! Следуй идеалам DIY и создавай больше волонтерских передвижных клубов»⁸¹.

DIY-этика — явление конструктивное. В отличие от аморальности и де-конструктивности панк-сцены семидесятых годов, привнесенных группой «Sex Pistols», стиль DIY имеет позитивную автономистскую программу. Это эгалитарное, экологическое, антивоенное, антифашистское и во многом аскетическое движение. Чтобы оставаться в этом качестве, DIY-сцена должна постоянно находиться в подполье. Андеграунд — это образ жизни леворадикальных панков⁸².

⁸⁰ См.: Allen R. DIY and Die: Are You Wearing Out Your Own Scene? // *Maximumrockinroll*. 175 (1997): 104.

⁸¹ David. Letters // *Maximumrockinroll* 175 (1997): 12.

⁸² См.: Интервью с Бробом, редактором международного Н/С журнала «Tilt!» // *Maximumrockinroll*. 175 (1997): 160—161. Радикальным проявлением DIY-этики является панк-стиль Straight Edge. Его представители являются радикальными вегетарианцами, выступают против употребления наркотиков, никотина и алкоголя, борются с фашизмом и ксенофобией, выступают с анархическими эгалитарными лозунгами.

«Идейный» панк — это эстетствующая личность. С помощью юмора, сарказма, творчества и, иногда, агрессии они формируют себя и свое окружение. В отличие от маргинальных «гаджаных» или «плекстик»-панков, «идейные» «гейм»-панки карнавализируют свою повседневную и политическую среду обитания. Все поступки «гейм»-панков — это перформанс, представление, театр. Они эстетизируют неприятное. Используют его как материал для творчества. Перформансы панков — это своеобразная шоковая терапия смертью. Панк-мертвец совершает виртуальное самоубийство, например, делает ритуальные «запилы» на руках. С лозунгами «Fuck off!» и «No Future!» он добровольно уходит из этой «неправильной» жизни и перерождается вновь, но уже в новом чудном мире, в мире «своей стаи», которая формируется по архетипическим законам. Панк прибегает к тотальному отрицанию для того, чтобы создать нечто новое. Происходит некий возврат к варварству, к Средневековью⁸³.

Итак, принцип частной собственности вновь подвергается сомнению, «*вновь обретает реальное существование собственность коллективная, и этот период истории служит прелюдией к полному устранению собственности как социального явления*»⁸⁴. Западные хозяйственные системы воспринимаются уже не столько как постиндустриальные, сколько как посткапиталистические. Общество входит в новый информационный этап своего развития. Человек выходит за пределы материального производства. Важнейшим хозяйственным ресурсом становится информация. Знания стали основной производственной силой. Появились предпосылки для того, «*чтобы средства, необходимые для создания, распространения и воспроизводства информационных продуктов, стали доступны каждому работнику, способному обеспечить им адекватное применение*»⁸⁵. Залогом жизненного успеха становится «не собственность, а организация, не владение, а пользование, не

⁸³ См.: Рогачков Д. Отвратительные, грязные, злые // Знание — сила, 1998. № 8. С. 101—106.

⁸⁴ Иноземцев В.Л. Собственность в постиндустриальном обществе и историческая ретроспектива // Вопросы философии. 2000. № 12. С. 6.

⁸⁵ Там же. С. 11.

возможность присвоить, а способность применить те или иные средства и условия производства»⁸⁶. Механическое устранение частной собственности не приведет к возникновению справедливого социального порядка. Новые формы личной и коллективной собственности должны быть *одухотворены*. Необходима новая этика экономических отношений, новые общечеловеческие ценности и ограничения. Новое Возрождение возможно только при слиянии экономических и духовных инноваций. Леворадикальное движение не просто усомнилось в справедливости частной собственности, частных владений, оно не только предлагает их деконструировать, либертарики создают свою эгалитарную модель этики новых экономических и культурных отношений.

Сквоттинг является составной частью автономистского движения европейских индустриальных стран. Как правило, это движение объединяет в своих рядах многочисленные радикальные экологические, феминистские, студенческие, альтернативистские и панк-группы. Чаще всего действия этих групп объединяются, создавая колоритную атмосферу бунта, карнавала и праздника. Это контркультурное движение постоянно подвергает сомнению существующий порядок и создает свой автономный альтернативный мир. Автономисты автономны от государства, от партий и даже от институтов гражданского общества. Идеология автономистов разнообразна. В Германии они считают себя анархистами или «рэтекоммунистами». В Испании они проповедуют антиавторитарный марксизм и анархизм. Итальянская «Рабочая Автономия» — марксистская организация. В любом случае автономистская идеология находится в основном в рамках левого радикализма. Это либертарное движение, направленное на достижение экономической и социальной справедливости, духовной свободы и экологической безопасности. Одним из источников автономистского движения является радикальный феминизм.

⁸⁶ Там же. С. 10.

Радикальный феминизм: автономистская версия

Промышленная революция XIX века породила революцию викторианскую, ставшую первым серьезным этапом в освобождении женщин. Идеалом этой революции стали брак по любви и сексуальные пуританские отношения. «Викторианская революция хотя и заставила людей относиться к сексу пуритански, но поставила его на гораздо более значимое место в брачной связи, чем когда-либо, изменив пропорциональную важность трех видов собственности в семье [сексуальная, поколенческая, хозяйственная]»⁸⁷. Поколенческая собственность обесценилась, сексуальная и хозяйственная приобрели новую значимость. Судьба девушки больше не зависела от воли родителей и хозяйственного интереса. Брак по расчету стал осуждаться в обществе. У женщины появилась свобода выбора своего спутника жизни.

В постиндустриальную эпоху условия жизни женщин изменились. Изменилось и понимание термина «женская свобода». Так, материальное положение многих женщин заметно улучшилось. Они успешно стали конкурировать с мужчинами в сферах управления, науки и власти. Одновременно с этим стали изменяться и отношения в семье. Женщины-«белые воротнички» уже не стремились рано выходить замуж и обзаводиться детьми. У них появилось много свободного времени для того, чтобы как следует обдумать перспективы своего дальнейшего освобождения⁸⁸.

Эпоха постмодерна уничтожила четко выраженные формы классовой и колониальной эксплуатации, вскрыв, таким образом, новую проблему, проблему деления политического сообщества по половому признаку. В шестидесятых годах появляется феминистское движение «второго призыва». Явления частной жизни стали явлениями политическими. Лозунгом радикального феминизма стали слова: «Личная жизнь — это политика!» (The personal is the political!)⁸⁹. Феминистки потребовали избавить их от двух типов несправедливости: социально-экономической и

⁸⁷ Коллинз Р. Введение в неочевидную социологию // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 138.

⁸⁸ См.: Там же. С. 139—140.

⁸⁹ См.: Дворкин Андреа. ГИноцид, или китайское бинтование ног // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 28.

культурной (символической). Чтобы решить эти проблемы, нужно было, соответственно, *перераспределить* и *признать*.

Марксистские группы феминисток дополнили теорию разделения труда К. Маркса. Помимо оплачиваемого «производительного труда», на котором в основном работали мужчины, существовал неоплачиваемый «домашний труд» женщин. По их мнению, женщины эксплуатируются дважды: на производстве — капиталистами и дома — мужьями. Таким образом, капитализм и патриархат поддерживаются неоплаченным «домашним трудом». В связи с этим марксистские феминистки заявляют, что первым классом является пол, «выделяемый на основании разделения труда в процессе биологического воспроизводства и порождаемого им социального неравенства полов»⁹⁰. Поэтому необходимо было *перераспределить* материальные блага в пользу женщин и таким образом устранить ранее незримый вид домашней эксплуатации.

Биологические различия преобразуются в социальное и символическое неравенство. По мнению радикальных феминисток, общество должно *признать*, что культурные различия по половому признаку являются феноменом культурным, «не-естественным», «не-природным». А все культурное может быть подвергнуто сомнению и изменению. Радикальные феминистки предлагают не останавливаться на наделении женщин социальными правами наравне с мужчинами. Необходимо покончить, прежде всего, с классовым и расовым угнетением женщин. «Это обязательно борьба за искоренение идеологии господства, которая пронизывает западную культуру на различных уровнях, а также приверженность реорганизации общества таким образом, чтобы саморазвитие людей стояло выше империализма, экономической экспансии и материальных желаний»⁹¹. Наиболее ярко радикальные феминистки проявили себя в Италии и Германии.

Так, в северных городах Италии они были активными участницами событий горячей Осени 1969 года. Повсеместно в стране ими организовывались группы по подъему сознательности,

⁹⁰ См.: Ушакин С.А. Политическая теория феминизма // Вопросы философии. 2000. № 11. С. 28—35; Дворкин Андреа. Указ. соч. С. 28.

⁹¹ хукс белл. Феминистская теория: от края к центру // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 245.

женские центры, клубы по интересам, а также книжные магазины, в которых продавалась феминистская литература. Именно в этих местах и началась жаркая дискуссия о радикальной трансформации повседневности, которая актуальна в этих кругах до сих пор. Несмотря на то, что все партии и левые группировки игнорировали обсуждение этих «приземленных вопросов», эта проблема стала очень популярна среди молодежи, и, особенно, среди ее женской части. Этому способствовала в большей мере деятельность альтернативных центров здоровья.

В то время почти во всей Европе были запрещены аборт и контрацептивы. Нелегальное их использование часто приводило к печальным последствиям. Ежегодно в одной только Италии от нелегальных абортов погибало до 20 тысяч женщин. Феминистки не собирались с этим мириться. Началась компания за легализацию абортов, которая вскоре распространилась по всему капиталистическому миру. Январь 1974 года стал началом борьбы. В Тренто на демонстрацию вышло 263 женщины. Ни одна партия не поддержала их требования. Через год к инициативной группе феминисток присоединился Союз женщин Италии и Коммунистическая партия Италии. Начался сбор подписей за проведение референдума об аборте. Всего было собрано около миллиона подписей⁹². Началась трансформация общественного сознания. Все меньше людей стало поддерживать позицию церкви, заключающуюся в том, что аборт является смертным грехом, за который, кстати, полагалось по закону 5 лет тюрьмы. Женщины и врачи шли на нарушение этого закона. Самоуправляющиеся клиники принимали на этот счет независимое от властей решение, основанное не на законе, а на здравом смысле.

Феминистки боролись вопреки скептическим, а порой и враждебным высказываниям своих товарищей по партии. Так, в 1978 году коммунистическое большинство парламента Италии пошло на уступку движению феминисток против запрещения абортов. Они узаконили действия докторов, но забыли легализовать деяния женщин. Движение за освобождение женщин, входившее в Радикальную партию, определило этот закон как «удар женщинам по зубам»⁹³. Началась упорная борьба с мужским шо-

⁹² См.: Katsiaficas G. Op. cit. P. 28—29.

⁹³ См.: Ibid. P. 30, 32.

винизмом. В результате в Италии был принят самый лучший закон об аборте в Европе. В ходе борьбы женщины разочаровались в своих мачо-товарищах. Движение за освобождение женщин вскоре вышло из состава Радикальной партии, а Союз женщин Италии — из Коммунистической партии. Порой во взаимоотношениях между женщинами и мужчинами внутри партий происходили абсурдные вещи. Так, на демонстрации группы «Борьба продолжается!» в ноябре 1975 года отряд самообороны рабочих, который должен был охранять демонстрантов от насилия полицейских и неонацистов, напал на активисток марша, выступающих за легализацию аборт. Мужчины утверждали, что феминистки не выражают мнения пролетариата. Они реакционны так же, как реакционны студенты-леваки. В ответ феминистки выдвинули лозунг: «Нет революции без освобождения женщин! И нет освобождения женщин без революции!»⁹⁴.

Требования феминисток вскоре стали носить более радикальный характер. Группы *Lotta Femminista* и *Autonomia Femminista* выдвинули требование установить зарплату женщинам за их домашний труд⁹⁵.

За 10 лет своего существования радикальный феминизм в Италии добился некоторых успехов. Феминистки узаконили аборт, выдвинули требование оплаты домашней работы и добились сохранения легальности развода. К 1983 году в стране насчитывалось уже более тысячи женских клубов и центров. Их работа строилась на автономных анархических принципах. Многочисленные группы принимали совместные решения на генеральных ассамблеях. При этом никогда большинство не навязывало свое мнение меньшинству. Горизонтальные связи предполагали интерактивный стиль обсуждения проблем, в отличие от ораторского стиля левых партий. Движение носило явно неиерархический характер, и не было направлено на лидера. В девятидесятых годах началось сближение позиций радикальных феминисток Италии с мужчинами других либертарных групп. Призывы разрушить патриархальную семью и патриархальное общество, а также антимилитаризм, объединили феминизм с движением хиппи и некоторыми группами «новых левых». Вот что

⁹⁴ См.: Ibid. P. 31—32.

⁹⁵ См.: Ibid. P. 33.

писал по этому поводу теоретик рабочей автономии Антонио Негри: «Феминистское движение, с его практикой коммунализма и сепаратизма, с его критикой политики и общественного проявления власти, ... с его любовью к разнообразию, должно быть похоже на чистейшую форму архетипа новой фазы движения. Оно является источником вдохновения ... для новых движений пролетарской молодежи»⁹⁶.

Новая фаза феминистического, а вместе с ней и автономистского движения началась в середине восьмидесятых годов в Западной Германии. В то время ФРГ была очагом антивоенных и антиядерных выступлений в Западной Европе. Внутри этого общегражданского движения началась полемика по вопросам автономии и независимости движения. Главную роль в этом споре играли феминистки. Радикальная феминистка Мари-Терез Кнеппер так определяла автономию: «Прежде всего, автономия женского движения подразумевает под собой самоорганизацию, отделение от мужского большинства Левых и, вообще, от мужчин... Более того, необходимо учитывать отношение движения к правительству и его институтам, так как они осознаются [феминистками] как нечто патриархальное и системостабилизирующее. В связи с этим необходима полная обособленность от государственных и институциональных связей. Внутри движения автономия означает преимущественно децентрализацию каждой отдельной группы, а в самих группах это означает самоопределение рабочих структур... антииерархичность структур, в свою очередь, позволяет использовать индивидуумов в развитии автономии»⁹⁷.

Дискуссия по поводу сути и методов феминистского движения происходила в основном на страницах двух национальных феминистских журналов: «Отвага» и «Эмма». Первый журнал вышел в 1976 году в Западном Берлине. Он быстро достиг популярности, и, спустя два года, его тираж увеличился в 14 раз. В феврале 1977 года Элис Шварцер и группа радикальных феминисток, в которую входило много профессиональных журналисток, основали журнал «Эмма».

Оба журнала не приносили никакой прибыли организаторам. Работали в них только женщины. Два журнала с различными

⁹⁶ Цит. по: Katsiaficas G. Op. cit. P. 35.

⁹⁷ Цит. по: Katsiaficas G. Op. cit. P. 74.

концепциями смогли активизировать мыслительную работу женщин и выявить основные противоречия внутри движения. Несмотря на то, что в спорах журналисты часто переходили на личный уровень, издатели этих журналов смогли приобщить к дискуссии и самообразованию тысячи активисток⁹⁸.

В то время внутри феминистского движения ФРГ циркулировали две темы: тяжелый домашний труд и материнство. Глубокие разногласия обнаружались среди феминисток по вопросу каторжной домашней работы и «домашнего ареста» женщин. В 1973 году Элис Шварцер опубликовала свою книгу «Женская работа — женское освобождение», представлявшую позицию радикального феминизма. Несколькими месяцами позже появился перевод классического «либерального» текста Мариарозы Дэлла Коста и Селмы Джеймс. Как утверждали эти теоретики, домашний неоплачиваемый труд женщин — это часть экономики, поэтому необходимо высчитывать основной прибавочный «домашний» продукт и компенсировать его в долларовом эквиваленте. Они утверждали, что если женщинам начнут платить за их домашний неоплачиваемый труд, то разделение между миром оплачиваемой работы и миром неоплачиваемого труда канет в лету. Такая мера стала бы новым этапом в освобождении женщин⁹⁹.

Радикальные феминистки думали по-другому. Они утверждали, что создание системы вознаграждения за домашний труд станет только дальнейшей институционализацией женщин в изначально порочную систему. Произойдет воспроизводство барьеров на пути женщин к многообразным формам общественной жизни. Женщин так и не допустят в полном объеме к участию в жизни общества. Так как «геттоизация» женщин является продуктом патриархального разделения труда, то мало оплачивать женщинам их домашний труд, необходимо напомнить так же мужчинам об их равной ответственности в воспитании детей и о равных обязанностях в содержании дома¹⁰⁰.

Левые организации пытались объединить женщин в решении производственных вопросов. Они «мечтали переманить их на сторону рабочего класса», так как считали женщин «устойчиво

⁹⁸ См.: Ibid. P. 74—75.

⁹⁹ См.: Ibid. P. 75.

¹⁰⁰ См.: Ibid.

низкооплачиваемой прослойкой пролетариата». Радикальные феминистки не шли на сотрудничество. Хепнелор Мэбри назвала двойной и тройной гнет женщин «патриархальной прибавочной стоимостью». Ни левые организации, ни профсоюзы, по мнению женщин, никогда не хотели их полного освобождения, так как вряд ли мужчины, входящие в эти структуры, пожелали бы разделить со своими женами обязанности по содержанию дома¹⁰¹.

Пока разгорались дебаты по поводу платы за домашний труд, начался диспут о «новом материнстве» и равных правах. Радикальные феминистки понимали материнство как нечто социально детерминированное. Общество, по их мнению, слишком много ожидает от женщины. Полнота жизни женщины не обязательно должна быть связана с материнством. Более того, они рассматривали условия материнства (работу на износ, существование на пределе) как угнетение женщин.

Журналистки журнала «Отвага» категорически не соглашались с радикалами. Желание иметь ребенка естественно. Оно исходит из самого чрева женщины. Существует психически-физическая готовность женщины стать жертвой ради создания новой жизни. Они прославляли «женскую интуицию» и верили в биологическую предопределенность материнства. Журналисты журнала «Отвага» выступали за «новую женственность». Отрицать эту женственность значило, по их мнению, то же, что и отрицать женскую сущность. Радикальные феминистки и лесбиянки увидели в этих высказываниях намеки на гетеросексуальность и подвергли позицию «Отваги» жестокой критике¹⁰².

С того момента, когда рождаемость в ФРГ стала ниже смертности, все партии страны стали поддерживать желание женщин стать матерями. Некоторые феминистки включились в работу материнских центров, созданных на деньги правительства. Журнал «Отвага» стал бороться за предоставление хотя бы одного полностью оплачиваемого декретного отпуска с гарантией сохранения рабочего места. Они так же выступали за предоставление матерям возможности приходить на работу со своими детьми, за увеличение пособий неработающим матерям и

¹⁰¹ См.: Ibid. P. 75—76.

¹⁰² См.: Ibid.

тому подобное. Так как их требования совпадали с правительственными программами, «Отвага» превратилась в объект безжалостной критики со стороны радикальных феминисток.

В противоположность идеям генетически predetermined женской природы, радикал-феминистки считали, что «мужское» и «женское» являются продуктом социально-исторических сил, которые и формируют наши личности. В 1975 году Элис Шварцер определила эту позицию в, ставшей потом классической для немецкого феминизма, статье «Маленькое отличие и ее великие последствия». В ней она нарисовала будущее, в «котором пол не был бы больше неизбежностью. Женщины и мужчины не были бы больше насильно вовлечены в ролевое поведение... Сексуальное разделение труда и эксплуатация закончились бы. Только биологическое материнство было бы женским делом; социальное материнство было бы таким же мужским делом, как и женским. Люди бы общались между собой ничем не ограниченным способом... согласно их индивидуальным потребностям... независимо от возраста, расовой и половой принадлежности (не было бы классовой системы в этом свободном обществе)»¹⁰³. По мнению радикальных феминисток, правительственная поддержка женщин была либеральной версией гитлеровского ограничения женщин тремя «К»: кухня (kitchen), дети (kinder) и церковь (kirche). «Новая женственность» — это контрреволюция, которая вышла из глубин феминизма. Радикал-феминистки предлагали третий путь, путь, который позволил бы им быть одновременно слабыми и сильными, эмоциональными и рациональными, ранимыми и отважными¹⁰⁴.

В начале восьмидесятых годов боевая энергия феминисток стала идти на убыль. Многие из их требований стали воплощаться правительством в жизнь. Бывшие феминистки стали делать карьеру в правительственных и партийных структурах. Так, в 1985 году почти все руководящие посты в партии зеленых занимали женщины. Эта партия стала за свой счет проводить все женские собрания и конференции, связанные с автономистским женским движением и женским движением внутри партии. Та-

¹⁰³ Цит. по: Katsiaficas G. Op. cit. P. 77.

¹⁰⁴ См.: Ibid.

кое «вхождение женщин во власть» позволило, наконец, покончить в 1983 году с запретом на аборт, а также низложить консервативное правительство ФРГ на местном и федеральном уровне.

Между тем радикальные феминистки стали вовлекаться в смешанные группы. Это была уже новая фаза развития автономного движения. Миллионы женщин обрели, благодаря феминисткам, новое интернациональное сознание, которое изменило политическую культуру Западной Германии. Все политические партии стали считаться с требованиями женщин. В то же время радикальные феминистки пошли на некоторые уступки мужчинам: теперь помимо «чисто» женских сквотов стали появляться смешанные коммуны. Амазонки, наконец, впустили мужчин в свое логово, и это принесло свои благодатные плоды¹⁰⁵.

Радикальные экологические движения

В семидесятых-восемидесятых годах леворадикальные движения приняли активное участие в борьбе за сохранение природы. Они предлагали два радикальных проекта преобразования планеты: биоцентрический и антропоцентрический. Первое направление было представлено *глубинной экологией*, или, как ее еще называют, *экофией*. Второе — *социальной экологией*, или *экоанархизмом*. Большое влияние на оба этих течения оказала **Этика Земли**, разработанная американским экологом Альдо Лепольдом, и философия постмодернизма.

В конце тридцатых годов в США развернулась дискуссия по поводу способов охраны дикой природы. Приверженцы утилитаризма предлагали концепцию *сохранения*. Выбранные участки дикой природы сохранялись на время. Как только экосистема данного участка восстанавливалась, ее предполагалось вновь использовать в экономических целях. Существовала так же и антиутилитарная концепция, предлагавшая полную *консервацию* наиболее уязвимых и ценных районов дикой природы¹⁰⁶.

¹⁰⁵ См.: Ibid. P. 77—78.

¹⁰⁶ В России существует опыт использования обеих концепций: заказники и национальные парки *сохраняют* дикую природу в утилитарных целях, заповедники *консервируют* экосистемы на века.

Представителем консервационизма и был Альдо Леопольд. Земля представлялась ему неким «коллективным организмом». Она кормит людей и формирует их культуры. Люди несут ответственность за сохранение здоровья земли. От этого зависит жизнь не только их будущих поколений, но и всех живых существ, населяющих планету¹⁰⁷. «Здоровьем является способность земли к самообновлению. Консервация является нашей попыткой понять и сохранить эту способность»¹⁰⁸. Человеку нужно кардинально пересмотреть свое отношение к природе. Из завоевателя и паразита он должен превратиться в «гражданина биосферы», для которого земля уже не будет рабой или служанкой. Человек должен осознать тот факт, что Земля — это коллективный организм, частью которого является он сам. Части этого организма не только конкурируют между собой, но и кооперируют, сотрудничают. Человек, как высшее существо на этой планете, способен регулировать процессы конкуренции и кооперации, но он не имеет никакого права упразднить их. Дикая природа должна стать для человека лабораторией для изучения здоровья земли. Эта наука о здоровье земли только формируется¹⁰⁹. Параллельно с ней складывается и этика земли. Она «расширяет границы общности, чтобы включить в себя почвы, воды, растения и животных, [коллективно мы называем это] землей»¹¹⁰. Необходимо понять, что в природе все хорошо, независимо от того, понимаем мы это или нет. Все существа, и живые и неживые (в обыденном понимании), имеют право на существование и самореализацию. Альдо Леопольд предлагает концепцию *общности*, которая является составной частью этики земли. Она не несет радикального характера. Ее создатель прекрасно понимает, что «этика земли, конечно, не может предотвратить изменение, управление и использование этих «ресурсов», но она утверждает их право непрерывного существования... в естественном состоянии»¹¹¹. Более того, он призывает «воинствующее меньшинство граж-

¹⁰⁷ См.: Leopold A. A Sand County Almanac with Essays on Conservation from Round River. N. Y., 1989. P. 190, 222.

¹⁰⁸ Ibid. P. 258.

¹⁰⁹ См.: Ibid. P. 190, 272—274.

¹¹⁰ Ibid. P. 239.

¹¹¹ Ibid. P. 240.

дан, приверженцев сохранения дикой природы», быть бдительными и готовыми к действию на всей территории страны¹¹². Этот призыв был услышан представителями леворадикальных движений спустя десятилетия.

Большое влияние на формирование эгалитарных идей в радикальной экологической мысли оказала так же философия постмодернизма. И радикальные экологи, и постмодернисты видят связь между угнетением человека человеком и угнетением человеком природы. Постмодернистский анти-авторитаризм утверждает равенство всех людей, независимо от классовой, расовой, гендерной или религиозной принадлежности. Радикальные экологи идут дальше. Они говорят об экоцентрическом равенстве, согласно которому «вся жизнь... мыслится как бытие в принципе равное»¹¹³. Они оба выступают за ограничение «количественной рациональности», а также критикуют иерархические, властные отношения. «Власть должна быть оспорена, но... она должна быть оспорена без власти»¹¹⁴. Радикальные экологи более полно и последовательно реализуют на практике эгалитарные идеи постмодернизма, делая особый акцент на экоцентрическое равенство¹¹⁵. Таким образом, и постмодернизму, и радикальному экологизму свойственны анархизм и спонтанность.

Тем не менее между ними существуют противоречия. Яблоком раздора стала субъективность, «эгоцентричность», индивидуализм постмодернистской мысли. Постмодернисты склонны к компромиссам. Они отвергают классификацию и обобщения. Они не верят в универсальные истины и вообще всегда и во всем сомневаются. Постмодернизм деконструктивен и непоследователен, поэтому он не может предложить положительную программу улучшения общества. Несмотря на эти противоречия, радикальный экологизм может быть рассмотрен, как практическое воплощение идей «непрактичного» постмодернизма¹¹⁶.

¹¹² См.: Ibid. P. 279.

¹¹³ См.: Frodeman R. Radical Environmentalism and the political Roots of Postmodernism: Differences that Make a Difference // Environmental Ethics. 4 (1992): 309.

¹¹⁴ Quigley P. Rethinking Resistance: Environmentalism, Literature and Poststructural Theory // Ibid: 306.

¹¹⁵ См.: Frodeman R. Op. cit. P. 309.

¹¹⁶ См.: Ibid. P. 317—318.

Этика земли и постмодернизм стали фундаментом для основных положений радикального экологического эгалитаризма. Тем не менее это движение не имеет одну магистраль. Пути радикальных экологов раздвоились.

Биоцентрический эгалитаризм. На пути к Совету Всех Существ

Мыслители, принадлежащие к этому направлению, утверждают, что экологические реформы не способны предотвратить глобальную экологическую катастрофу, так как они все еще оперируют принципами антропоцентрического гуманизма, в котором, собственно, и зиждется корень экологического кризиса. По их мнению, исправить положение можно только в том случае, если мы начнем развивать не-антропоцентрическое понимание реальности, которое учит нас жить в гармонии со всеми живыми и неживыми существами на земле.

Мартин Хайдеггер радикализирует и развивает идеи Альдо Леопольда. По его мнению, гуманизм ведет человеческие существа за пределы их внутренних ограничений. Доктрина «прав человека» оправдывает эксплуатацию человеком нечеловеческих существ. Не-антропоцентрическая концепция гуманности должна преодолеть доктрину прав. Мы можем гармонично сосуществовать на Земле, только подчиняясь нашей главной обязанности: необходимо быть открытыми Бытию существ (Being of beings). По мнению Хайдеггера, нам нужен новый путь понимания Бытия, новый *этнос*, который позволит существам проявлять себя не только в виде объектов для удовлетворения человеческих потребностей. Все существа на Земле имеют право на реализацию своих собственных внутренних целей. Все имеет свою внутреннюю ценность, независимо от человеческого сознания и интересов. Чтобы выжить, нам необходимо *смирение*. Надо избавиться от самовозвышения и самопоклонения. Человек не господин природы. Он не мера всех вещей. Необходимо развить новое понимание Бытия. И делать это нужно в рамках культуры, в рамках языка и разума, а не на интуитивном мистическом уровне. Итак, Хайдеггер предлагает развивать «новую метафизику», метафизику не-антропоцентрическую. Он совершает радикальный сдвиг

во взаимоотношениях человека и природы¹¹⁷. Идеи Хайдеггера, а также таких мыслителей, как Тейяр-де-Шарден, Олдос Хаксли и Сантаяна, которые, «определяя более скромное место [человека] в природном порядке, предвидели глубинно-экологическое мышление», положили первый кирпичик в фундамент биоцентрического эгалитаризма¹¹⁸. Следующим шагом в его развитии стала *глубинная экология*.

Термин *глубинная экология* был введен норвежским философом Арне Наэссом. Он утверждал, что экологизм истеблишмента, так называемая «поверхностная» экология, черпает свои аргументы в человеко(мужчино)-центрированных (man-centered) терминах. Сохранение природы, по его мнению, имеет внутреннюю ценность, совершенно отличную от каких-либо благ, которые необходимо передавать будущим поколениям людей. Отличие антропоцентризма от биоцентризма принимается Арне Наэссом и его сторонниками как аксиоматическое. Оно структурирует их дискурс, в котором глубинная экология находится до сей поры. Это положение является первой характеристикой глубинной экологии¹¹⁹.

Следующий принцип экофилософии заключается в ее повышенном внимании, направленном на сохранение в нетронутом виде дикой природы. Так же как и Хайдеггер, Наэсс выступает за полное раскрытие потенциала каждого живого существа. Сделать это можно, по его мнению, посредством расширенного *самоосознания*, которое «означает расширение границ и углубление *нашего* “я”»¹²⁰. Важную роль в этом играет процесс «самоотождествления с другими», когда «мы видим самих себя в других». Этот процесс формирует экологическое «я» индивидуума, которое является всем, с чем этот индивидуум себя отождествляет. «Увидеть, что защита окружающей среды отвечает их

¹¹⁷ См.: Zimmerman Michael E. Toward a Heideggerean *Ethos* for Radical Environmentalism // *Environmental Ethics*. 2 (1983): 99–128.

¹¹⁸ См.: Guha R. Radical American Environmentalism and Wilderness Preservation. A Third World Critique // *Environmental Ethics*. 1 (1989): 73.

¹¹⁹ См.: *Ibid.*

¹²⁰ См.: Наэсс А. Самоосознание: экологический подход к роли человека в мире // *Думая как гора: на пути к совету всех существ*. М., 1992. С. 24.

интересам, люди смогут, пройдя через процесс всеобъемлющего отождествления...»¹²¹. Таким образом, если мы воспитали в себе экологическое «я», то в своих поступках «мы естественным и прекрасным образом начинаем следовать строгим нормам природоохранной этики»¹²². Это больше вопрос психотерапии, или, как ее называет Наэсс, общественной терапии, нежели науки¹²³. Сторонники глубинной экологии в поисках лекарства, которое было бы «способно вылечить наши связи со всем окружающим миром»¹²⁴, обращаются к восточным духовным традициям, к древним языческим ритуалам и обрядам. Это является третьей характеристикой глубинной экологии.

Антропоцентризм, по мнению глубинных экологов, привел к тому, что представители западной цивилизации утратили эволюционную память. Мы забыли о своих корнях. Мы забыли о том, что мы существовали и развивались триллионы лет. Умирая и возрождаясь, постоянно изменяясь и эволюционируя, мы совершенствовались себя, устремляясь к некоей точке, в которой мы могли бы слиться с Божеством. Цивилизованный человек утратил эту память, а вместе с ней он позабыл и способы восстановления разорванных вселенских связей. Эти способы известны — это ритуалы и обряды. Они позволяют человеку кардинально трансформировать и расширить его собственное «я». Они помогают ему перенести в сферу осознанного скрытую в подсознательном информацию, накопленную всеми живыми существами в процессе эволюции. Трансформационные обряды и ритуалы помогают человеку побороть чувства страха и безразличия, чувства существующие у современного цивилизованного человека¹²⁵.

Реконструкцией подобных ритуалов и обрядов глубинные экологи занялись в середине восьмидесятых годов. На основе материалов семинаров по «Отчаянию и обретению силы» Джоанны Мэйси, а также идей Арне Наэсса, Джона Сиды и Пэта Флеминга был создан *Совет Всех Существ*.

¹²¹ См.: Там же. С. 24—25, 28.

¹²² См.: Там же. С. 33.

¹²³ См.: Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ См.: Думая как гора: на пути к совету всех существ...

Совет Всех Существ — «это форма группового творчества, в ходе которого люди учатся и становятся способны «слышать внутри своих сердец голос плачущей земли»... и говорить от имени других форм жизни. Это вид работы, который позволяет нам осознано испытать всю боль и силу нашей взаимосвязи со всей природой¹²⁶. Совет Всех Существ должен помочь людям научиться «перестать быть помехой для других живых существ», а также осознать, что необходимо предоставить всем видам возможность продолжить свой индивидуальный путь развития, не влияя на них¹²⁷. Глубинные экологи приветствуют естественное и культурное разнообразие. Все формы жизни должны развиваться свободно от человеческого стремления к господству и подавлению. Подобный взгляд является основополагающей ориентацией движения¹²⁸.

И, наконец, последней характеристикой глубинной экологии является ее вера в то, что ее сторонники находятся на «лидирующих позициях» экологического движения. Они считают себя «духовным, философским и политическим авангардом американского и международного инвайронментализма»¹²⁹.

Наиболее яркими носителями идеи глубинной экологии являются представители таких известных организаций, как «Земля Прежде Всего!» (Earth First!), «Мать Земля» (Mother Earth) и «Морские Пастухи» (Sea Shepherds). Приверженцами эософии считают себя так же некоторые ультрарадикальные группы: «Фронт за Освобождение Животных» (AFL) и «Фронт за Освобождение Земли» (EFL).

Рассмотрим принципы и методы борьбы, которые применяют члены организации «Земля Прежде Всего!» (EF!).

Эта организация стоит на трех «китах»: идея глубинной экологии, роман Эдварда Эбби «Банда Разводного Ключа» (Abbey Edward. *The Monkey Wrench Gang*. New York, 1976) и книга «Эко-

¹²⁶ Сид Д. Введение: «Услышать в своем сердце голос плачущей земли» // Указ. соч. С. 10.

¹²⁷ См.: Там же. С. 13.

¹²⁸ См.: Fox W. *The Deep Ecology — Ecofeminism. Debate and its Parallels* // *Environmental Ethics*. 1 (1989): 6.

¹²⁹ См.: Guha R. *Op. cit.* P. 74.

защита: практическое руководство по экологическому саботажу» (Ecodefense: A Field Guide to Monkey Wrenching).

Книга Эдварда Эбби «Банда Разводного Ключа» произвела в семидесятые годы эффект разорвавшейся бомбы. Видимо, этот роман был главной причиной появления в США организации «Земля Прежде Всего!». Сюжет приключенческого романа прост. Во имя сохранения дикой природы небольшая группа экотеррористов уничтожает технику, которая наносит вред окружающей среде юго-западных штатов. Они взрывают железнодорожный мост, выводят из строя строительное оборудование и технику, сбивают мерные вехи на стройплощадках и мечтают взорвать плотину. Негласный лидер группы доктор Сарвис излагает основные принципы движения: «Я против всех форм правительства, включая хорошее правительство. Я одобряю консенсус коммуны¹³⁰ ...Мы не собираемся устанавливать тиранию большинства в организации. Мы исходим из принципа единодушия. То что мы делаем, мы делаем все вместе или не делаем совсем. У нас братство, а не законодательная ассамблея¹³¹ ...Мы следуем нашему главному правилу: ненасилие по отношению к человеческим существам¹³² ...Мы не имеем дело с людьми. Мы выступаем против мегамашины¹³³». Таким образом, банда Разводного Ключа, а вслед за ней и организация «Земля Прежде Всего!», являются движением анархическим, ненасильственным, использующим партизанский метод борьбы — экологический саботаж.

Экосаботаж (monkey wrenching) является экологической формой луддизма, луддизма во имя дикости. Основные методы monkey wrenching описаны основателями движения «Земля Прежде Всего!» Дэйвом Форемом и Билом Хэйвудом в практическом руководстве «Экозащита...». В ней описываются различные способы, с помощью которых можно остановить или, по крайней мере, уменьшить масштабы разрушения окружающей среды лесозаготовительными, мелиоративными и другими компаниями. Авторы руководства предлагают новые методы экоса-

¹³⁰ Abbey E. The Monkey Wrench Gang. N. Y., 1976. P. 158.

¹³¹ Ibid. P. 157.

¹³² Ibid. P. 158.

¹³³ Ibid. P. 155.

ботажа: шипование деревьев гвоздями, обрезание линий электропередачи, методы вывода из строя техники, гнездование деревьев, предназначенных к вырубке, блокирование дорог и многое другое.

Все эти методы были тут же опробованы на практике. Многие активисты, включая самого Дэйва Форемена, оказались за решеткой¹³⁴, но это не остановило экологических луддитов. От двадцати до двадцати пяти миллионов долларов ежегодно правительство и промышленность США теряют от действий сторонников экосаботажа. Дэйв Фореман считает, что экосаботаж, в конце концов, сделает экономически невыгодным для капиталистов нанесение вреда дикой природе¹³⁵. Он утверждает так же, что экосаботаж носит ненасильственный характер, так как он направлен на неодушевленные машины¹³⁶. Использование экосаботажа связано так же с недоверием активистов движения к легальным демократическим методам решения проблем. Слишком много времени, по их мнению, уходит на исправление несовершенных законов. Это недопустимо в условиях экологического кризиса, когда каждый день добавляет в список исчезнувших видов животных еще одно имя. Активисты движения уверены, что люди имеют право на нелегальные средства борьбы с такими законами. Это является их главным рациональным аргументом в пользу использования экосаботажа¹³⁷. Действия экологических луддитов направлены не только на формирование общественного мнения. Они вообще не склонны привлекать на свою сторону СМИ или участвовать в судебных процессах. Их работа носит в основном нелегальный партизанский характер. Именно поэтому организация «Земля Прежде Всего!» предпочитает использовать экологический саботаж, а не акции гражданского неповиновения¹³⁸.

Идеи глубинной экологии подверглись беспощадной критике со стороны ученых, политиков и активистов экологическо-

¹³⁴ См.: Martin M. Ecosabotage and Civil Disobedience // *Environmental Ethics*. 4 (1990): 292—293.

¹³⁵ См.: Ibid. P. 307—308.

¹³⁶ См.: Ibid. P. 295.

¹³⁷ См.: Ibid. P. 298.

¹³⁸ См.: Ibid. P. 292—310.

го движения. Индийский философ и эколог **Рамачандра Гуа**, например, считал глубинную экологию продуктом постиндустриального общества, общества потребления и массовой культуры. Сторонники экософии движутся параллельно этому обществу, не причиняя при этом серьезного ущерба его экономическим и социально-политическим основам. Дикая природа, сохраняемая в национальных парках США, по его мнению, является некой рекреационной, эстетической частью общества потребления. Глубинные экологи, считает он, хотя просто расширить границы этой «дикости», оставив без изменения существующую систему. Этим, собственно, и отличаются радикальные американские экологи от их соратников из Западной Германии и стран третьего мира, которые связывают экономическое благосостояние Запада с беспрецедентной эксплуатацией экономических и экологических ресурсов развивающихся стран. Для населения этих государств правильное использование ресурсов среды обитания является вопросом выживания. Для американских эколуддитов экологическая борьба — это некая мода или проявление мук совести¹³⁹.

Критикуют глубинную экологию и экофеминистки, которых иногда считают «кровными» союзницами экософии. Экофеминистки смотрят в корень глубинной экологии и находят там много неприемлемых для них концепций. Глубинные экологи, по их мнению, гендерно-нейтральны. Они критикуют антропоцентризм за его человеко-центрированность (*human-centeredness*), в то время как корнем господства человека над природой и над другими людьми является андроцентризм — мужчино-центрированность! Не исключая женщин из круга антропоцентризма, глубинные экологи косвенно обвиняют их во всех бедах, которые принес с собой антропоцентричный патриархат. Мужчины привели человечество к экологической катастрофе! Именно на этом утверждении, по их мнению, необходимо строить весь биоцентрический дискурс¹⁴⁰.

Критикуют концепцию биоцентрического эгалитаризма так же сторонники экологически ориентированного социального равенства.

¹³⁹ См.: Guha R. Op. cit. P. 77—81.

¹⁴⁰ См.: Fox W. Op. cit. P. 9—25.

Экоанархист **Муррей Букчин** называет сторонников глубинной экологии антигуманистами и экологами-мистиками, которые уверяют всех в необходимости «принятия пассивным человечеством подчиненного положения по отношению к природе»¹⁴¹. Экософия, по его мнению, пытается растворить социальную эволюцию в эволюции природной. Она стремится «утопить культуру в природе, в оргии иррационализма, теизма, мистицизма, уравнивать человека и простое животное, распространить придуманные «природные законы» на послушное человеческое общество»¹⁴². Конечно, дикость дает людям чувство свободы, плодovitости природы. Она прививает людям любовь к нечеловеческим формам жизни и развивает эстетическое чувство восхищения естественным порядком¹⁴³. Но в то же время она может привести и к «отрицанию человеческой природы, интровертному отречению от социального общения, ненужному противопоставлению дикости и цивилизации... Человечество, независимо от своих внутренних конфликтов между угнетателем и угнетаемым, смешивается в единое целое, как один «вид», оказывающий пагубное влияние на первобытный, предположительно «невинный» и «этичный», естественный мир»¹⁴⁴. Глубинная экология, таким образом, переворачивает угнетение с ног на голову, не меняя при этом сути проблемы. Муррей Букчин, так же как и глубинные экологи, пытается ответить на основополагающие вопросы современности: способно ли человечество интегрироваться в процесс естественной эволюции, и как оно может это сделать? Отвечая на этот вопрос, он использует гуманистический подход в построении своей концепции *социальной экологии*, или, как он ее еще называет, *экоанархизма*.

¹⁴¹ Букчин М. Реконструкция общества. На пути к зеленому будущему. Н. Новгород, 1996. С. 32.

¹⁴² Там же. С. 37.

¹⁴³ См.: Там же. С. 139.

¹⁴⁴ Там же. С. 140.

Социальная экология: утопический проект либертарного муниципализма

Муррей Букчин не случайно выбрал для своего учения такое название — *социальная экология*. Экологический кризис, по его мнению, имеет свои корни в социальных проблемах. Цивилизация несовершенна. Общество необходимо не просто улучшить или поднять на новый уровень. Его нужно *переделать*¹⁴⁵. Необходим общественный интерес, интерес эпохи, который бы объединил и сплотил людей. Гармонизируя отношения между людьми, мы гармонизируем и отношения между человеком и природой. Апокалипсические прогнозы мобилизуют все слои общества на борьбу за сохранение жизни на Земле. Они стимулируют общество в поиске лучших форм общежития. У нас есть уже богатый исторический опыт осуществления либертарных проектов¹⁴⁶. Именно на них и делает упор Муррей Букчин, разрабатывая свою утопию.

Муррея Букчина по праву называют «великим старцем американского анархизма»¹⁴⁷. На протяжении 30 лет в своих работах он пытался преодолеть разрыв между человеческим обществом и креативным процессом природной эволюции. Реконструируя коммуитарное анархическое учение, Букчин развивает «западную органическую (organismic) традицию», которую представляли такие ученые, как Аристотель и Гегель, традицию, которая является процессом, связанным с выявлением «логики» эволюции¹⁴⁸. Согласно Букчину, роль экологической этики заключается в том, чтобы «помочь нам выделить те из наших акций, которые служат толчком в эволюции природы, и те, которые являются для нее препятствием»¹⁴⁹. Центральным понятием и в его

¹⁴⁵ См.: Там же. С. 141, 155.

¹⁴⁶ См.: Там же. С. 155—157.

¹⁴⁷ См.: Предисловие редактора к книге «The Concept of Social Ecology», adapted by Peter Berg from the Ecology of Freedom for Co-evolution. Quarterly. 32 (1981): 14.

¹⁴⁸ См.: Eckersley R. Diving Evolution: The Ecological Ethics of Murray Bookchin // Environmental Ethics. 2 (1989): 100.

¹⁴⁹ См.: Bookchin M. The Ecology of Freedom. Palo Alto, California: Cheshire, 1982. P. 342.

философии органической природы, и в его социальной философии анархизма является понятие *самонаведение* (self-directedness)¹⁵⁰. По его словам, «стремление жизни к большей усложненности индивидуальности — стремление, которое приводит к увеличению степени субъективности, — вводит в силу внутренний или имманентный импульс эволюции, [который в свою очередь ведет] к росту самосознания»¹⁵¹. Здесь существуют определенные параллели между философией Букчина и междисциплинарной философией Тейяра-де-Шардена. Оба мыслителя понимают эволюционный процесс в терминах поступательной субъективности, которая достигла своей наиболее развитой формы в человеке. Благодаря природе люди оказались на высшей ступени эволюции и стали обладателями *самосознания*. Тем не менее в противоположность Тейяру-де-Шардену, который видел эволюционный процесс растворяющимся в точке омега, точке органического единства, Букчин считает, что эволюция будет вечно стремиться к все возрастающим степеням субъективности. Чем больше экообщество «участливо» и дифференцировано, тем больше ее человеческие и нечеловеческие члены будут способны реализовать свои индивидуальные и коллективные формы «личности». Это дает право Букчину утверждать, что его экологическая этика предполагает широчайшее царство свободы и для природы, и для общества. Сохраняя в своей сердцевине основу этики Альдо Леопольда, Букчин делает акцент на творчество людей, которое невозможно без таких составляющих, как свобода, разум и личность. Экотехнологии и экообщества будут, по его мнению, поддерживать разнообразие, участие и самоуправление. В этом и заключается его видение *самонаправляемого* анархического общества, в котором человеческие обитатели вполне осознают их особую эволюционную ответственность¹⁵².

Зеленая утопия Букчина реализуется следующим образом. Среда обитания и биорегион должны стать отправной точкой в создании земного рая. Развитие инфраструктуры, сельского и городского хозяйства должны ориентироваться на местную эко-

¹⁵⁰ См.: Eckersley R. Op. cit. P. 100.

¹⁵¹ Цит. по: Eckersley R. Op. cit. P. 104.

¹⁵² См.: Ibid. P. 103—105.

систему. Чтобы «жизненные процессы на планете не управлялись тоталитарной системой, современное общество должно следовать базовым экологическим предписаниям»¹⁵³. В связи с этим должна произойти миниатюризация и децентрализация всей экономической-политической сферы общества¹⁵⁴. «Власть должна постепенно переходить к районам и муниципалитетам ... кооперативам, центрам занятости и, в конечном счете, народным ассамблеям»¹⁵⁵.

Больше не будет частной, национальной или коллективной собственности. «Экологическая община сможет **муниципализировать** свою экономику и объединиться с другими муниципалитетами в интеграции своих ресурсов в региональную конфедеральную систему»¹⁵⁶. В этом случае никто уже не сможет использовать частное технологическое оборудование, которое бы угрожало здоровью человека и природы. Распределение в таких экологических сообществах будет осуществляться по коммунистическому принципу: от каждого — по способностям, каждому — по потребностям. Собственность будет контролироваться народными ассамблеями свободных сообществ. Партикуляризм всех мастей канет в лету¹⁵⁷.

Рациональный гражданин будет строить свое будущее на основе дискурсивных, лицом-к-лицу отношений с другими членами своего сообщества. Администрирование будет «осуществляться советами, комиссиями или даже избранными индивидами, которые будут исполнять народный наказ под пристальным общественным наблюдением и при полной отчетности перед определяющими политику ассамблеями». Народные ассамблеи — мозг общины. Администраторы — его руки¹⁵⁸. С бюрократизмом будет навсегда покончено.

Масштабы сообществ изменятся в соответствии с условиями среды их обитания. Произойдет переоценка технологий и благ, а вместе с ними и всего взгляда человека на природу. Мегаполисы исчезнут. Малые города и деревни будут гармонически сосу-

¹⁵³ Букчин М. Указ. соч. С. 156.

¹⁵⁴ См.: Там же. С. 166—169.

¹⁵⁵ Там же. С. 172.

¹⁵⁶ Там же. С. 175.

¹⁵⁷ См.: Там же. С. 170, 176.

¹⁵⁸ См.: Там же. С. 175, 159.

ществовать друг с другом и с окружающей средой. Экологические технологии и экологически ориентированная наука создадут экономические предпосылки для реализации программы эконоанархизма. Экономанархизм «исходит из предпосылки высокой разумности человека». Человек уникален. Он способен преобразить этот мир. Таким образом, позиция «естественной инженерии» Муррея Букчина является проявлением высокого гуманизма его учения¹⁵⁹.

Движение к идеальному обществу, по мнению Букчина, должно быть постепенным. Действие ради действия им осуждается. Необходима интеллектуальная работа. Нужна новая теория. Пора положить конец тирании спонтанности. «Нужна организация, а не нигилистический хаос эгоистов, для которых любая структура есть «элита» и «централизм»... нужен процесс, а не драматический жест»¹⁶⁰.

Андре Горц в основном поддерживает либертарный проект Муррея Букчина. В своих работах большое внимание он уделяет переходному периоду в преобразовании общества. Ни реформа, ни революция, но замещение должно стать целью либертариетов. Одним махом нельзя уничтожить государство. Его функции должно постепенно захватить альтернативное гражданское общество. Реформы сверху и инициатива трансклассового общества снизу приводят к созданию условий, когда альтернативистские и автономные объединения начинают выполнять функции государственных органов, но уже на иных анархических принципах. Иерархи-

¹⁵⁹ См.: Там же. С. 166—169, 174, 179. Уже сейчас существуют предпосылки для осуществления некоторых идей М. Букчина. Брюс МакДэннел, например, утверждает, что развитие солнечной энергетики является первым шагом в появлении децентрализующих альтернативных технологий, которые являются экономическим базисом для автономного и самодостаточного существования отдельных общин. Они, по его мнению, играют большую роль в воспитании ответственности за сохранение и консервацию окружающей среды. Он так же считает, что солнечная энергетика может стать каналом для апробирования альтернативных ценностей и мощным стимулом в развитии «парадигмы общности». (См.: Bruce A. McDaniel. Economic and Social Foundations of Solar Energy // Environmental Ethics. 2 (1983): 155—168.)

¹⁶⁰ См.: Букчин М. Указ. соч. С. 171—172.

ческие структуры заменяются горизонтальными связями. Рыночные отношения уступают место отношениям взаимопомощи. Альтернативный самоуправляющийся сектор постепенно низвергнет капиталистическую сферу отчужденности, в том числе и отчужденности человека от среды его обитания¹⁶¹.

Проект либертарного муниципализма Муррея Букчина и «альтернативизм» Андре Горца прямо или косвенно повлияли на формирование современного международного радикального эгалитарного экологизма.

Реализацией «зеленой утопии» представители леворадикальных движений занялись в конце шестидесятых годов. В результате в США появилась целая сеть самоуправляющихся неиерархических экологических коммун, существующих на принципах «равенства, экологического сознания, кооперации и ненасилия»¹⁶². Так же как и в XIX веке США были впереди планеты всей в области осуществления коммунитарных экспериментов.

В штате Тамиланд на Юге Индии расположена одна из старейших в мире экологических коммун — Ауровиль. Это многонациональное альтернативное поселение было создано в 1968 году по инициативе Мирры Альфассе, сподвижницы индийского мыслителя Шри Ауробиндо. Ауровиль изначально рассматривался поселенцами как «эмбрион будущей свободной цивилизации, как **коммуна коммун**». Ауровиль должен был постоянно разрастаться, поглощая местное население и вытесняя из сферы его жизни властные государственные отношения. Духовные ценности граждан Ауровиля воспитываются в его образовательных учреждениях. Экономическая база «свободной зоны» формируется на основе альтернативных предприятий коммуны. Коммуна является децентрализованным, самоуправляющимся экологическим поселением¹⁶³.

Экологический эгалитаризм в Западной Европе имел свою специфику. Здесь он был больше урбанистическим явлением, а

¹⁶¹ См.: Дамье В. Социальная философия Андре Горца // Наперекор. Зима. 1999—2000. С. 19—21.

¹⁶² См.: Anarchist press review // Anarchy. A Journal of Desire Armed. 1 (1997): 17—18.

¹⁶³ См.: Коммуны. Опыт Ауровиля // Прямое действие. 1998. № 12/13. С. 8—9.

своим появлением был обязан борьбе населения с ядерной энергетикой. В семидесятых годах в Западной Германии прошла волна массовых акций гражданского неповиновения. Они были направлены против строительства АЭС и заводов по переработке и хранению ядерных отходов. Виил (Wyhl), Калкар (Kalkar) и Горлебен стали символами общепланетарного сопротивления «бездумной атомизации энергетики». Активисты и местное население оккупировали строительные площадки, создавали там лагеря / городки, часто напоминающие крепости, и активно препятствовали строительству экологически опасных объектов. Уже в Вииле появились первые признаки коммунитарного общежития, которые затем активисты стали использовать в других очагах сопротивления. Продукты питания и одежда, которую приносили в лагерь фермеры и местные жители, распределялись по потребностям. Каждый активист мог проявлять свою активность по способностям. В лагерях так же существовали образовательные учреждения (в Виилском «народном колледже» было представлено более 50 разнообразных курсов, некоторые из которых читали ученые, выступающие за использование ядерной энергетики).

Венцом «народного творчества» стала Свободная Республика Вендланд, возникшая в мае — июне 1980 года на месте строительства подземной свалки для ядерных отходов в окрестностях города Горлебена. Местные фермеры снабжали многочисленное население Свободной Республики продуктами питания и строительными материалами. В Вендланде появились свои паспорта, нелегальная подпольная радиостанция, зона проникновения которой охватывала всю страну, и общенациональная газета. В Республике царил атмосфера дружелюбия и гостеприимства. Гражданином Вендланда мог стать человек любой расовой и национальной принадлежности. Вендландеры жили вместе не только ради сопротивления, но и для того, чтобы создать автономное самоуправление. Едва ли не каждый активист с удовольствием участвовал в дискуссиях, посвященных проблемам сопротивления и общежития. Решения принимались по принципу «непосредственной» демократии.

3 июня 1980 года полицейские подразделения предприняли попытку деблокирования строительной площадки. Такого насилия, которое они применили по отношению к активистам и журналистам, Германия не знала со времен Гитлера. По всей стране

прошли демонстрации и марши поддержки Свободной Республики Вендланд. Действия активистов стали более радикальными. Горлебенская борьба стала причиной радикализации движения сопротивления, которое включало в свои ряды экологов, феминисток, студентов, молодежь и фермеров. Это было внепарламентское культурно-политическое движение, направленное не только против ядерной энергетики, но и вообще против существующей политической системы.

Хотя существовала общенациональная координация по всем акциям, централизованной антиядерной организации, которая бы разрабатывала национальную стратегию или же регулировала движение, не было. Без этого «централизма» радикальные экологи Западной Германии сумели остановить строительство новых АЭС в своей стране и сформировать мощное автономное пространство¹⁶⁴.

В начале девяностых годов в Западной Европе появилась обширная сеть экологических организаций, пытавшихся реализовать различные эколого-коммунитарные проекты. Например, движения «Европейская Молодежь за Действие по [защите] Лесов» (European Youth Forest Action) и «Молодежь и Окружающая Среда Европы» (Youth and Environment Europe) стали инициаторами проведения ежегодных экологических лагерей «Экотопия», в которых, помимо проведения образовательных проектов, идет обмен опытом по использованию альтернативных экологических технологий и альтернативных, часто коммунитарных, стилей жизни¹⁶⁵. Внутри этой сети действует своя денежная единица ЕСО, курс которой для граждан разных стран ежемесячно рассчитывается на основе стоимости их «продовольственной корзины»¹⁶⁶. Таким образом, этот проект можно назвать коммунитарным и экологическим.

И сквотерские, и радикальные экологические движения в равной мере инициировали создание автономного пространства, подтверждая, таким образом, многие предсказания М. Букчина и А. Горца. Автономистское движение развивалось согласно своей собственной логике, постоянно разогревая и расширяя процесс

¹⁶⁴ См.: Katsiaficas G. Op. cit. P. 80—86.

¹⁶⁵ См.: Lu. Ecotopia-1996 // The Verge. 14 (1996): 30—31.

¹⁶⁶ См.: Talking ECO // Op. cit. P. 1.

децентрализации своих групп и радикализируя активистов. «Организованная спонтанность» стала главным принципом бунтарей эпохи постмодерна. Свободные зоны и очаги сопротивления превратились в лаборатории леворадикальных движений, в которых апробировались различные либертарные проекты и принципы. Этот эксперимент перманентен. Он был, есть и будет!

Левый радикализм в России: от возрождения «старых» традиций к «новому Средневековью».

Становление современных леворадикальных движений в России началось в конце восьмидесятых годов. Многочисленные группы анархистов, троцкистов, «пролетаристов» и «новых левых» в то время формировались в основном выходцами из радикальных полуподпольных молодежных организаций: клуб «Антарес», «Интербригада им. Э. Че Гевары», подпольный небольшевистский кружок старшекласников в Москве, Союз революционных коммунаров и группа «Левая оппозиция» в Ленинграде, Партия диктатуры пролетариата в Куйбышеве, Социалистический клуб в Иркутске, «Группа продленного дня» в Перми. Большое влияние на деятельность этих групп оказывали, в свою очередь, коммунарское и интернационалистское движения, появившиеся в СССР во времена «хрущевской» оттепели. Ядрами кристаллизации возрождающихся анархических и «пролетаристских» движений стали педагогические институты Москвы и Ленинграда. На становление движения «новых левых» большое влияние оказали хиппи¹⁶⁷.

С начала перестройки по август 1991 года многие анархические и «пролетаристские» группы действовали против советской системы совместно с демократическими движениями. Теоретическая работа в этих группах строилась в основном вокруг возрождения старых традиций: в практику левых радикалов вводились забытые методы классовой борьбы эпохи модерна. Спектр анархического движения в то время был невероятно разнообразен: анархо-синдикализм, анархо-коммунизм, анархо-био-космизм, толстовский анархизм, мистический анархизм. Анархисты изучали всю доступную им литературу, имевшуюся в редких

¹⁶⁷ См.: Тарасов А.Н., Черкасов Г.Ю., Шавшукова Т.В. Левые в России: от умеренных до экстремистов. М., 1997. С. 13—17.

фондах государственных и частных библиотек. Выбор был невелик: некоторые работы Годвина, Бакунина, Кропоткина и Толстого, монографии о взглядах Новомирского, Штирнера и Прудона. Большинство работ классиков анархизма были недоступны, поэтому неудивительно, что подавляющая масса людей, называющих себя анархистами, была теоретически неграмотна. Борьбу с политнеграмотностью в рядах анархистов начала редколлегия журнала «Община», вокруг которой стала образовываться первая анархическая организация России — Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС). В этот период времени КАС переживает не только расцвет, но и череду кризисов. Эта организация была многочисленна и, в то же время, аморфна, ее теоретическая база была бедна и стара. Принципы ненасилия и эволюционизма, которых придерживались лидеры КАС, не устраивали большую часть анархистов. Начались раскол движения и радикализация ее членов. Весной 1991 года КАС покинули Е. Бузикошвили, Д. Костенко и В. Дамье, которые создали организацию под названием Инициатива революционных анархистов (ИРЕАН). Она встала в резкую оппозицию «неревлюционной» КАС. Масла в огонь добавило «дело А. Родионова и А. Кузнецова». Суть этого дела заключается в следующем. 12 марта 1991 года после участия в одном из митингов Демократического Союза перед зданием КГБ в Москве были задержаны и жестоко избиты два девятнадцатилетних панка-анархиста Алексей Родионов и Александр Кузнецов. Они обвинялись в умышленном нападении на сотрудников ОМОН. Больше года длился судебный процесс, во время которого проходила непрекращающаяся международная компания протеста, организованная анархистами. «Дело Родионова — Кузнецова» еще больше радикализовало анархическое движение России, которое окончательно превратилось в явление внесистемной оппозиции¹⁶⁸. Большую роль в этом процессе сыграли действия правоохранительных органов, а также последствия «шоковой терапии».

Радикализация внепарламентского движения России сопровождалась резким падением ее численности. Анархисты нищали, спивались, умирали от наркотиков, пытались заняться бизнесом, замыкались в частной жизни. Постперестроечная эйфория

¹⁶⁸ См.: Там же. С. 23—25.

закончилась. Начались голодные будни «переходного периода». Раскол анархического движения продолжился. С 1992 по 1995 годы растет численность оппозиционной КАС Ассоциации движений анархистов (АДА), а также усиливается влияние таких «экстремистских» организаций, как ИРЕАН и Федерация революционных анархистов (ФРАН). В конце концов, это более радикальное крыло анархизма становится самым многочисленным движением в России. Вскоре КАС вообще исчезла с политической арены. Ее лидеры А. Исаев и А. Шубин не просто прекратили полемику с радикалами, а вообще отказались от своих идей. Факт прекращения такой полемики сдвигал всю палитру российского анархизма в сторону практического и теоретического экстремизма. «Умеренный» анархизм вышел из моды. Идеи ненасилия, эволюционизма и «организованной спонтанности» исчезли из лексикона левых радикалов¹⁶⁹.

Большую роль в радикализации внепарламентской оппозиции сыграли также российские «новые левые» и представители контркультурных течений. Идеи «новых левых» использовались П. Рябовым и Д. Костенко в издававшемся ими журнале «Великий Отказ», который являлся рупором Беспартшколы «молодежной оппозиции» внутри КАС. На страницах этого журнала впервые появились статьи о таких явлениях Запада, как автономизм и ситуационизм¹⁷⁰. Весной 1991 года образовался Комитет культурной революции, имеющий ярко выраженные черты «новых левых». И, наконец, в 1992 году образовался Фиолетовый Интернационал, который стал настоящим полигоном отработки новых методов борьбы. Это была организация, ориентированная на активные действия: «уличная борьба», «городская герилья», «оранжевые» акции. В 1993 году в Москве появляется филиал Фиолетового Интернационала — «Партизанское движение», который начинает активно сотрудничать с анархистами из ИРЕАН. Журнал ИРЕАН «Черная звезда» вскоре превратился из анархокоммунистического в «новолевое» издание. Студенческие беспорядки 12 апреля 1994 года инициировали появление еще одной

¹⁶⁹ См.: Там же. С. 27.

¹⁷⁰ См.: Костенко Д. Автономы // Великий Отказ. № 5. С. 6—10; Смит Ф. Ситуационисты и их наследие // Там же. С. 11—16.

«новой левой» организации «Студенческая защита». Позже в Санкт-Петербурге образуется Революционный молодежный союз «Смерть буржуйам!», а в провинции возникают анархические по названию, но «новолевые» по сути организации: Елецко-Липецкое Движение Анархистов (ЕЛДА), Федерация анархистов Кубани (ФАК), Практико-революционная организация Воронежа (ПРО-ВО) и Самарский анархо-коммунистический союз (САКС). Все эти организации и движения несли в себе более мощный радикализирующий заряд. Их действия качественно отличались от практики «старых» леворадикалов¹⁷¹.

Традиционные течения анархизма, троцкизм и «пролетаризм» являлись продуктами индустриальной эпохи. Их программы за сто лет существования превратились в догмы, которые мало изменились под влиянием времени и мало кого теперь привлекали. Их организации превратились в закрытые секты, а призывы к использованию методов террористической борьбы стали претворяться в жизнь¹⁷².

«Новые» леворадикалы пошли своим путем. Они стали использовать постмодернистские методы борьбы своих западных товарищей. «Студенческая защита» превратила в 1994 и 1995 годах 12 апреля в день молодежного студенческого бунта наподобие студенческих революций конца шестидесятых годов¹⁷³. Радикальные экологи перенимают богатый опыт своих западных соратников. Так, группы «Экозащита» и «Хранители Радуги» устраивают ежегодные летние лагеря протеста в местах строительства и эксплуатации, опасных для окружающей среды, промышленных объектов. Часто их действия сопровождаются театрализованными представлениями, которые порой от ненасильственных методов сопротивления переходят к силовому противодействию представителям

¹⁷¹ См.: Тарасов А.Н., Черкасов Г.Ю., Шавшукова Т.В. Указ. соч. С. 28—29.

¹⁷² См.: Ященко В. Фильм «Краснодарское дело»// Анархвидео. Видеосборник «Либертарный винегрет: пища третьего тысячелетия». 1997—2000.

¹⁷³ См.: Тарасов А.Н., Черкасов Г.Ю., Шавшукова Т.В. Указ. соч. С. 41—47.

правоохранительных органов¹⁷⁴. Сочинская группа «Зеленая молния» проповедует принципы глубинной экологии и активно использует методы экологического саботажа¹⁷⁵.

Огромное влияние на формирующуюся идеологию «новых» леворадикалов оказывают так же контркультурные группы. Так, движение за Анонимное и Бесплатное искусство (зАиБи) выступает за нарушение владений интеллектуальной собственности. Любой творец не является собственником своего произведения и не имеет прав авторства. Произведение должно принадлежать народу, так как вековой опыт человечества в целом стал причиной появления этого произведения. ЗАиБистами провозглашаются принципы «народного» «анонимного» творчества: «Хватай, что ни попадя, и сооружай немедленно! Денег нет и не надо! Результат может быть любым! Каждый — Художник! Все вечно! Интеллектуальной собственности не бывает!». От слов они переходят к делу. Альтернативные студии создают фильмы и мультфильмы, которые носят всецело постмодернистский характер. Отрывки из различных отечественных и оригинальных фильмов и мультфильмов хаотически монтируются в единый видеоряд. Качество изображения часто намеренно ухудшается, вплоть до уничтожения пленки. Звук может использоваться из других произведений. Чем больше эклектики, тем лучше! ЗАиБисты выдвинули лозунг «Дашь видеопиратство!», и тут же нашли одобрительный отклик в леворадикальной среде¹⁷⁶.

Политизированные анархо-панки России не просто претворяют принципы DIY в жизнь, но и активно борются с неофашизмом. Так, в течение 1999—2000 годов в Волгограде и Волжском прошла «антифашистская волна», организованная анархо-панками. Они избивали неофашистов на улицах и на панк-тусов-

¹⁷⁴ См.: Ященко В. Сюжеты «Хранители Радуги. Волгодонск-97»; «Проблема применения насилия: Германия — Россия» // Анархвидео. Видеоальбом «Либертарный винегрет: пицца третьего тысячелетия». 1997—2000.

¹⁷⁵ См.: Автоном. 2000. № 13, 14.

¹⁷⁶ См.: Ященко В. Сюжет «ЗАиБи» // Анархвидео. Видеоальбом «Глыба № 2». 2001.

ках. А в декабре 1999 года даже устроили погром в волгоградской штаб-квартире РНЕ¹⁷⁷.

Появляются группы, пытающиеся реализовать различные либертарные утопии. Так, в Майкопе несколько лет существовала экологическая коммуна «Атши». В начале девяностых годов И. Мангазеев пытался создать толстовскую коммуну¹⁷⁸. Радикальное экологическое движение «Хранители Радуги» с 1998 года реализует в городе Касимов Рязанской области проект либертарного муниципализма М. Букчина¹⁷⁹.

В 1999 году в анархической среде появляются центристские тенденции. Анархисты стали искать новые пути выхода из затяжного кризиса и интеграции движения. В 2000 году начала складываться организация Автономное Действие, представители которой стали изучать и использовать опыт западного автономного движения, сохраняя при этом базовые принципы анархизма. По мнению Ольги Мирясовой (группа «Дикобраз»), существует много либертарных и контркультурных инициатив, действующих изолированно, автономно. Цель Автономного Действия — объединить их в одно движение, в один Фронт, политизируя при этом аполитичные группы и расширяя сферу деятельности «идейных» инициатив¹⁸⁰. Как утверждает Дмитрий Рябинин (ФАК), «мы пытаемся уйти от понятия анархизм и обратиться к более широкой неавторитарной внепарламентской сцене». По его словам, российские условия не позволяют создать массовое антиавторитарное движение спонтанно, как это было на Западе. Необходима организация, которая бы, используя методы и опыт борьбы западного автономизма, смогла бы предложить людям либертарную социальную альтернативу, третий путь развития общества¹⁸¹.

¹⁷⁷ См.: Ященко В. Сюжеты «Погром штаб-квартиры РНЕ»; «Панк-анархический бунт» // Анархвидео. Видеосборник «Либертарный винегрет: пища третьего тысячелетия».

¹⁷⁸ См.: Экоанархист. 1993. № 2.

¹⁷⁹ См.: Проект «Касимовская альтернатива»; Ященко В. Сюжет «Мещанин в анархизме» // Анархвидео. Видеосборник «Либертарный винегрет: пища третьего тысячелетия».

¹⁸⁰ См.: Ященко В. Интервью с Ольгой Мирясовой // Анархвидео. Глыба № 2.

¹⁸¹ См.: Ященко В. Интервью с Дмитрием Рябининым // Там же.

Незапрограммированный бунт «сердца» пришел на смену формально-теоретической революции «разума». Действия «новых» леворадикалов стали носить хилиастический характер. «Здесь и сейчас» они выражают свой протест в насильственных и, в то же время, шутовских эпатажных акциях. «Здесь и сейчас» они реализуют свои утопические проекты. Началась своеобразная карнавализация леворадикального движения. В начале XXI века Россия вступила в эпоху «нового Средневековья».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любой бунт имеет свою логику развития. Его порождает осознание увиденной бессмысленности, абсурдности бытия. Возникая в точке максимальной несвободы, бунт обрушивает на существующую систему весь свой мятежный порыв, стремясь уничтожить всепоглощающий страх и восстановить справедливость. В начале своего пути современный бунт проходит метафизическую стадию протеста, когда он восстает против всей вселенной, против всего мироздания. И лишь затем мятеж начинает обретать более конкретные цели, по которым он собирается нанести свой сокрушительный удар.

В то же время «самый заурядный бунт парадоксальным образом выражает стремление к порядку»¹⁸². Цель бунта — преобразование. Преобразование значит действие, а «действие уже завтра может означать убийство, поскольку бунт не знает, законно оно или незаконно». Бунт сам себя исследует, дабы узаконить собственные действия. Он ищет основания в самом себе, так как мир уже не заслуживает доверия. Бунт отличает от озлобленности его страстный созидательный порыв. Только на первый взгляд он абсолютно деструктивен. На самом деле бунт «глубоко позитивен, потому что он открывает в человеке то, за что всегда стоит бороться»¹⁸³. На первой стадии своего развития бунт забывает о своей позитивной стороне. Он наращивает силу вызова и

¹⁸² Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 135.

¹⁸³ См.: Там же. С. 126, 132.

отказа, мобилизует свои экстаические резервы. Современный бунт начал свое движение именно с этой отправной точки. Студенческие выступления конца шестидесятых годов прошлого столетия тому подтверждение. Это было время, когда мятежные денди пытались определить в степени применения насилия по отношению к репрессивному государству. Одни признали возможность и необходимость убийства и пошли по пути террора. Другие предложили путь символического амбивалентного убийства и вступили в мир карнавала. Первые оставили кровавый след в истории и сгинули в неизвестности. Вторые же преображают мир и поныне. Таким образом, на своем деструктивном этапе бунт распадается на два блока: нигилизм и карнавал.

Нигилизм является тупиковой ветвью бунта, ибо бунт, приводящий «к убийству, теряет право называться бунтом»¹⁸⁴. И не важно, желает ли бунтовщик сам себя убить во имя какой-то идеи или он настроен умерщвлять других, все они теряют право называться бунтарями. Нигилисты — люди лишённые бытия. Они используют себя и других как средство в достижении своих целей. Для них воля к власти значит неизмеримо больше, чем стремление к справедливости. Парадоксальным образом они умерщвляют свою бунтарскую самость в революции, которая возвращает общество в точку максимальной несвободы, террора и абсурда. «Поддавшись нигилизму, революция отвернулась от собственных бунтарских истоков»¹⁸⁵. Точнее сказать, бунтарь, встав на путь нигилизма, приходит к революции, которая ничего общего с бунтом не имеет. Концепт «революция» рассматривается нами в его первоначальном астрономическом смысле. «Это круговое движение, которое, полностью завершив цикл, приводит к смене одного образа правления другим»¹⁸⁶. Меняется образ правления. Тотальная несвобода и несправедливость остаются теми же.

Бунт движется к идее. Революция с идеи начинается. Бунт полифоничен. Революция монологична. Она требует не доверия, а веры. Но «чтобы долгие годы поклоняться теореме, веры недо-

¹⁸⁴ Там же. С. 196.

¹⁸⁵ Там же. С. 311.

¹⁸⁶ Там же. С. 199.

статочно, нужна еще и полиция»¹⁸⁷. Революция в своих пределах предполагает низведение человека до уровня простого винтика в механизме истории. Бунт же является протестом человека против такого унижения.

Современный бунт имеет ярко выраженные карнавальные черты. Особую роль в становлении бунта-карнавала в семидесятых годах XX века играли хиппи, сейчас эстафетную палочку перехватили панки-анархисты. Они, так же как и средневековые шуты, дураки, плуты, являются носителями карнавального начала. Панки находятся на границе, отделяющей жизнь от искусства. Они пребывают в зоне эстетизации действительности и протеста. Панки превращают бунт в произведение искусства. Они оформляют и завершают мятежную стихию. Весь их образ жизни носит эстетический преображающий характер. Подобно поэтам и прозаикам они художественно реализуют в бунте свои утопические замыслы, облекая их в различные эстетически завершенные пространственно-временные формы, хронотопы, которые, в свою очередь, определяют жанровые разновидности проявлений карнавального бунта. Формирование поэтики бунта — прямое предназначение панк-культуры.

В той или иной степени карнавализация охватила весь спектр молодежных леворадикальных суб(конт)культур. Она наложила неизгладимый отпечаток на процессы становления менталитета современной бунтующей молодежи. Изменились сознание современных бунтарей, их идеология и мировоззрение. Неизмеримых высот достигла ценность человеческой жизни. В сознании не только либертарииев, но и простых граждан появились новые экологические императивы. Усилиями радикальных феминисток на новый уровень были подняты вопросы защиты прав женщин и сексуальных меньшинств. Новые формы приобрела борьба за обобществление собственности. Коммунитарные эксперименты стали носить временный характер. Все чаще молодые бунтари идут на диалог с властями, легализуя захваченные помещения на взаимовыгодных условиях. Идеологический сквотинг уступает место коммунально-

¹⁸⁷ Там же. С. 212.

му содружеству социальных работников. Эпоха сквотерских битв закончилась мирным сосуществованием двух систем.

Таким образом, леворадикальные движения конца XX века кардинально отличаются от анархических выступлений эпохи классовых войн. Опыт развития движения антиглобалистов показывает, что карнавальный бунт вошел в третье тысячелетие в преображенном виде. Видимо, можно говорить о новом этапе его становления. И этот этап далеко не последний.

Кризис западной цивилизации продолжается. Продолжится и бунт против нее. Скатится ли этот бунт в пределы нигилизма и революций, породит ли он насилие и террор или будет нести в себе конструктивный гуманистический потенциал? Какое направление выберут молодые бунтари? Ответы на эти вопросы будут зависеть от того, какую позицию займут гражданское общество, власти и СМИ по отношению к бунтарям.

Несомненно, необходим конструктивный диалог с представителями молодежных леворадикальных организаций. Диалог сглаживает, а порой и разрешает, социальные противоречия. Он предполагает равноправный обмен смыслами, которые, как правило, приводят к формированию некоего нового альтернативного видения проблемы. В ходе диалога возможно достижение взаимопонимания, которое неминуемо приведет к снижению радикализма и деконструктивизма у представителей молодежных левацких групп. Общество, в свою очередь, обогатится новыми императивами и ценностями.

Диалог предполагает полифонизм — независимое и равноправное участие в общении различных, иногда даже ранее не взаимодействовавших между собой, сознаний, идей, идеологий, культур. Их общение происходит в рамках Большого времени, когда в одном контексте звучат отзвуки прошлого, суждения настоящего и надежды будущего. Полифонический диалог является основным инструментом в создании нового гуманизма, нового концептуального мышления. Он вводит человечество в пределы новой эпохи, эпохи Нового средневековья.

Смена парадигмы в деятельности массовых коммуникаций: от воздействия и манипулирования — к взаимодействию, взаимопониманию и диалогу — становится социально значимой, первостепенной задачей. Ориентация на открытость мотивов и целей

общения, честность и готовность к диалогу — все это, с одной стороны, изменит в лучшую сторону качество телевидения, а с другой — благотворно повлияет на сознание людей, обращающихся к нему. Только в этом случае можно говорить о превращении средств массовой информации, допускающих воздействие и манипуляцию, в средства массовой коммуникации, ориентированных на равноправное взаимодействие. Техническое усовершенствование СМК, превращение их в глобальную коммуникационную сеть должно происходить в рамках диалогической парадигмы. В противном случае технический прогресс приведет к появлению новых форм насилия и угнетения.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Леворадикальный миф постмодерна: от деконструкции к «новому» Возрождению	8
2. Хилиастическая форма утопического мышления в современной леворадикальной мысли	11
3. «Негативная идеология» хилиастического радикализма. Контркультура	13
4. Разновидности современных леворадикальных движений	16
Нарушение владений: стихийный и идеологизированный сквоттинг	16
Мюсли и Молли: от новых левых к панк-левачеству	30
Радикальный феминизм: автономистская версия	36
Радикальные экологические движения	44
Биоцентрический эгалитаризм. На пути к Совету Всех Существ	47
Социальная экология: утопический проект либертарного муниципализма	55
Заключение	68

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Яценко Вячеслав Григорьевич

ЛИБЕРТАРНЫЙ БУНТ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редактор *С.А. Астахова*
Технический редактор *Л.В. Субботина*
Художник *Н.Н. Захарова*

Подписано в печать 05.06.02. Формат 60×84/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 4,42.
Уч.-изд. л. 4,75. Тираж 200 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ . «С» 61.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.